ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МИССІОНЕРСКОЕ

ЗНАЧЕНІЕ СУДЕБНАГО ПРОЦЕССА

КОВЕНСКАГО

КСЕНДЗА БѢЛЯКЕВИЧА.

I.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о процессѣ.

Въ свое время на страницахъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» кратко сообщалось о судебномъ процессѣ Ковенскаго ксендза Бѣлякевича. Процессъ этотъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ громкихъ судебныхъ дѣлъ causae celebrae,— которыя, обыкновенно, долго волнуютъ сердца и занимаютъ умы общества. Дѣло о. Бѣлякевича въ теченіи многихъ мѣсяцевъ приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ культурныхъ слоевъ не только Россіи, но и христіанъ Запада; оно не сходило со столбцовъ нашей и заграничной печати, произведшей собственное разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и произнесшей ранѣе уголовнаго суда свой строгій приговоръ надъ дѣяніями Бѣлякевича. Слушалось это дѣло въ Петербургскомъ окружномъ судѣ (въ февралѣ нынѣшняго года) хотя и при закрытыхъ дверяхъ, но въ присутствіи представителей всѣхъ вѣдомствъ, многихъ сановниковъ, сенаторовъ, многочисленной корпораціи юристовъ. Были на судѣ ксендза и представители высшаго польскаго общества. Отчета въ русской прессѣ не было о ксендзовскомъ судебномъ процессѣ, но мыслящая и читающая интеллигенція имѣла по живому преданію нужныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Въ заграничной же (польской) печати былъ напечатанъ подробный отчетъ о процессѣ, съ приведеніемъ обвинительнаго акта и преній, съ тенденціозными, конечно, замѣчаніями въ пользу осужденаго и противъ русскихъ законовъ и суда.

Теперь всѣ эти толки умолкли, страсти улеглись, оконченное дѣло кануло въ лету забвенія и сенсаціонный процессъ можно обсуждать съ лѣтописнымъ спокойствіемъ.

Располагая достаточными по настоящему дѣлу матеріалами и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ вѣрныхъ источниковъ, мы считаемъ нынѣ благовременнымъ исполнить, высказанное нами ранѣе читателямъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія», обѣщаніе подробно побесѣдовать по поводу интереснаго процесса ксендза Бѣлякевича. При этомъ намъ хотѣлось бы равнымъ образомъ бросить хотя бы бѣглый взглядъ на осужденныя дѣянія Бѣлякевича *съ церковно-канонической точки зрѣнія.*

Нужно замѣтить, что всѣ толки общества и печати (за исключеніемъ, впрочемъ, «Южнаго края») не выходили изъ круга сужденій о политической и о криминальной сторонѣ дѣла; эта сторона и могла быть только предметомъ изслѣдованія суда вѣдающагося съ наличностью преступныхъ фактовъ, предусматриваемыхъ закономъ; церковно-каноническая же сторона дѣла осталась въ тѣни, между тѣмъ какъ она здѣсь едвали не болѣе важная въ общегосударственномъ и церковномъ смыслѣ, чѣмъ уголовная и политическая.

По нашему мнѣнію, эта сторона и послужила основой или почвой, на которой выросъ съ своими пастырскими подвигами печальный герой скандальной для католицизма исторіи. Казалось бы, ближайшее духовное начальство подсудимаго ксендза, т. е. Тельшевская консисторія и епископъ Поллюліенъ, въ интересахъ смягченія вины подсудимаго передъ закономъ, должны бы въ своемъ заключеніи суду освѣтить вопросъ о вліяніи на пастырскую практику ксендза Бѣлякевича и католическаго богословія. Но, повидимому, для представителей католической Церкви это представляло слишкомъ щекотливую альтернативу: не пришлось-ли бы тогда обѣлять и охранять ревностнаго служителя католическаго алтаря чрезъ уничиженіе въ глазахъ всего христіанскаго просвѣщеннаго міра искони дѣйствующей системы? Да и не предписывалось ли правилами Лайолы въ данномъ случаѣ,—ad majorem gloriam,—лучше послѣдовать примѣру членовъ фарисейскаго Синедріона, о которомъ евангельское благовѣстіе сохранило, какъ вѣчный укоръ покладистой совѣсти,—извѣстное изрѣченіе: «лучше единому

умрети», чѣмъ отдавать на чуждый судъ святое святыхъ католической церковной дисциплины. Пусть лучше Бѣлякевичъ одинъ пострадаетъ, чѣмъ явлена будетъ свѣту и подвергнется всемірному осужденію та система и практика католицизма, которая создала и поддерживаетъ авторитетъ и владычество папы во вселенной, а ксендза въ приходѣ! Можно было бы, казалось, ожидать освѣщенія и развитія этой именно стороны процесса отъ защиты Бѣлякевича тѣмъ болѣе, что она находилась въ рукахъ либеральнѣйшихъ представителей нашей адвокатуры—гг. Спасовича и Андріевскаго; но и они обошли эту Сциллу и Харибду, оказавшись въ своихъ воззрѣніяхъ на совсѣмъ уже нелиберальные и негуманные поступки своего кліента, не менѣе растроганными, чѣмъ самые завзятые поборники пользы для темной массы «тѣлеснаго озлобленія» и крѣпостнической розги. Защита старалася задрапировать некрасивыя поступки Бѣлякевича, мантіей фанатика и мученика религіозной идеи, «ратовавшаго де за Бога». Но средневѣковаго покроя мантія эта такъ нескладно приходилась къ плечамъ Бѣлякевича, что отъ присяжныхъ не могли укрыться и беззаконье подсудимаго, и фальшь софистовъ: судъ вынесъ строгій обвинительный приговоръ, по которому ксендзъ Бѣлякевичъ осужденъ на вѣчную ссылку въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Итакъ, въ чемъ же суть дѣла и имѣетъ ли какой смыслъ и значеніе процессъ ксендза Бѣлякевича въ церковно-государственномъ отношеніи? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо предварительно разрѣшить два другихъ положенія; именно: преступныя дѣянія ксендза Бѣлякевича были ли плодомъ его личной злой воли, необузданнаго чувства фанатика? или наоборотъ, осужденные закономъ поступки Бѣлякевича въ его пастырской практикѣ являлись результатомъ усвоенной имъ дѣйствующей или только допускаемой и аппробуемой (одобряемой) системы пастырскаго практическаго Богословія, т. е. былъ ли Бѣлякевичъ, несчадно полосовавшій женское тѣло исправляемыхъ имъ прихожанокъ, жестокій палачъ или только жертва пастырской своей ревности и слишкомъ прямолинейнаго, безхитростнаго, слѣпого слѣдованія правиламъ своей Церкви?

И въ частности—нѣтъ ли въ каноническомъ правѣ во-

обще и особенно у католическихъ богослововъ оправданія тѣхъ мѣръ физическаго воздѣйствія на закоренѣлыхъ грѣшниковъ, какихъ держался осужденный Бѣлякевичъ въ своей пастырской практикѣ? Но отвѣчать на выше изложенные нами вопросы нельзя безъ изложенія фактической стороны всѣхъ обстоятельствъ дѣла и подробностей процесса, которыя и сами по себѣ такъ интересны и поучительны, что надѣемся, читатели наши не посѣтуютъ, если на этой части нашей статьи мы долго остановимся. Прежде всего нѣсколько словъ о самомъ героѣ этого сенсаціоннаго процесса.

II.

Ксендзъ Бѣлякевичъ и дѣвочки.

Осужденный ксендзъ Казиміръ Бѣлякевичъ, 26 лѣтъ отъ роду, по происхожденію крестьянинъ жмудинъ или бѣлорусъ, наружности некрасивой, малосимпатичной. Смуглый цвѣтъ лица, выдающіяся скулы, тусклыя, безъ выраженія, глаза, вялая, запинающаяся рѣчь, угловатыя манеры истоваго бурсака семинариста—не говорятъ о широтѣ ума и развитія Бѣлякевича, но и не свидѣтельствуютъ о чувствахъ фанатизма, какъ страстнаго огненнаго внутренняго горѣнія человѣка за извѣстную идею. Въ спокойной нѣсколько даже флегматичной для такого исключительнаго положенія, какъ скамья подсудимаго,—осанкѣ, въ формѣ заявленій, слышалась у Бѣлякевича увѣренность человѣка исполнявшаго свой долгъ. Въ Бѣлякевичѣ нигдѣ, ни въ чемъ и никогда не проявлялось тѣни раскаянія или сожалѣнія о сдѣланныхъ имъ лютыхъ. Впрочемъ, къ симпатичной сторонѣ Бѣлякевича, говорящей именно о прямолинейности его характера, нужно отнести отсутствіе у него той ксендзовской позировки, того напускного благочестія, какимъ, напр., заявляли себя его молодые коллеги, все время хотя бы въ камерахъ суда (во время трехдневнаго разбирательства дѣла) шептавшіе своими жирными щеками и губами, вычитывая по молитвеннику положенныя на извѣстные часы для молитвословія.

По образованію Бѣлякевичъ воспитанникъ Тельшевской католической семинаріи, прославившейся нѣсколько ранѣе

другимъ достойнымъ своимъ воспитанникомъ—ксендзомъ Рамейко, который назойливо домогался, чтобы въ русской гимназіи католическая икона не стояла на одной стѣнѣ съ православною.

До обученія въ семинаріи Бѣлякевичъ готовился, кажется, въ фельдшерскую школу, но затѣмъ, по выдержаніи установленнаго для пріема въ католическую семинарію не мудренаго экзамена въ объемѣ программы 4 классовъ гимназіи—поступилъ въ упомянутую семинарію. Какъ онъ тамъ учился, объ этомъ ничего неизвѣстно, какъ и вообще никто ничего изъ русскихъ не знаетъ, что творится въ католическихъ семинаріяхъ. Выпущенъ Бѣлякевичъ не высоко по второму разряду. По окончаніи семинарскаго курса, будучи 23 лѣтъ. Бѣлякевичъ былъ уже посвященъ въ іерея, получивъ назначеніе на должность викарнаго ксендза при Троицкомъ ковенскомъ костелѣ. За смертію настоятеля—ксендза Вороновича, ксендзъ Бѣлякевичъ болѣе года исполнялъ обязанности настоятеля. Съ этого собственно времени и начинаютъ распространяться въ приходской средѣ слухи о благотворныхъ подвигахъ молодого ксендза по исправленію грѣшниковъ путемъ физическаго воздѣйствія на ихъ души. Ксендзъ скоро прослылъ за великаго мастера исправлять порочныхъ, укрощать строптивыхъ, отрезвлять пьяныхъ. Главнымъ предметомъ пастырскаго попеченія и борьбы о. Бѣлякевича были грѣхи насомыхъ противъ седьмой заповѣди. Ксендзъ стремительно и яростно принялся за искорененіе разврата. Показалась ли ему, дѣйствительно, Ковна въ этомъ отношеніи Вавилономъ, ужаснувшимъ молодого ксендза, строгаго дѣвственника, и подвигнувшимъ его на систематическую борьбу съ порочнымъ Содомомъ, или ксендза подня ли на дыбы сплетни и интриги такъ называемыхъ старыхъ дѣвотокъ-терціонъ, сказать трудно. Но есть основаніе полагать, что послѣдняя причина играла въ дѣяніяхъ Бѣлякевича первостепенную роль.

Нѣсколько словъ о *дѣвоткахъ*. Это болѣе старыя, а иногда и молодыя, но отчаявшіяся на счетъ благъ семейной жизни, дѣвы и вдовицы, а иногда и скучающія мужатницы, давшія *третій* обѣтъ иноческаго послушанія, почему и называются терціане (—tertius третій) и посвятившія себя на служеніе при костелѣ, отдавшись въ безпрекословное

распоряженіе его настоятеля. Поэтому въ рукахъ ксендзовъ дѣвотки служатъ послушными и покорными орудіями всего, что служитъ ad majorem gloriam... католицизма. Дружина эта въ сущности представляетъ собою шпіоновъ въ юбкахъ, или, выражаясь приличнѣе,—«благочестивыхъ агентовъ». Онѣ знаютъ въ приходѣ всю подноготную, имъ вѣдомы всѣ грѣхи и преступленія и явныхъ, и тайныхъ грѣшниковъ. Все это доносится приходскому ксендзу. Отъ такта и благоразумія послѣдняго зависитъ далѣе, какія принять мѣры исправленія противъ грѣховъ и пороковъ при конфессіоналѣ, на исповѣди или въ другихъ случаяхъ.

Ревность дѣвотокъ изумительна: онѣ, обыкновенно, о всемъ случившемся ночью за 20 — 40 верстъ — къ утру успѣваютъ доложить своему властелину ксендзу, что достойно его вниманія, при какихъ бы то ни было условіяхъ дорогъ и времени года. Хотя видъ и типъ дѣвотокъ въ общемъ представляется въ видѣ несимпатичныхъ фурій, но, съ миссіонерской точки зрѣнія, нельзя не пожалѣть, что въ нашихъ зараженныхъ сектантствомъ православныхъ захолустьяхъ, гдѣ рыщутъ лютые волки, не щадящіе стада Христова, не организовано ничего такого, что бы благовременно поставляло въ извѣстность одинокихъ безпомощныхъ православныхъ пастырей о случаяхъ пропаганды, совращенія, колебанія и о другихъ достойныхъ вниманія явленіяхъ приходской жизни и среды.

Ковенскія дѣвотки страшно были преданы Бѣлякевичу, такъ что при арестѣ его и осмотрѣ костела, онѣ составили живую преграду: сцѣпившись другъ съ другомъ, окружили входы и выходы костела, такъ что власти пришлось прибѣгнуть къ пожарной трубѣ; какъ ястребы, напали онѣ на свидѣтелей и склонили послѣднихъ отказаться отъ первыхъ своихъ показаній въ видахъ защиты и обѣленія ксендза. Благодаря такой агитаціи дѣвотокъ, дѣло это слушаніемъ перенесено было въ Петербургъ, но дѣвотки и сюда явились и какъ мрачныя тѣни, мѣрно сновали около зданія суда, съ слезами на глазахъ и облекшись въ глубокій трауръ.

Дѣвотки несомнѣнно распаляли огонь пастырской ревности безхитростнаго Бѣлякевича: узнавая отъ нихъ о безнравственныхъ пирушкахъ гдѣ либо въ притонахъ мужчинъ и женщинъ, ксендзъ съ своими вѣрными прислужни-

ками спѣшилъ туда ночью и мужественно разгонялъ подвыпившую компанію, разбивалъ бутылки съ водкою, за которую тутъ же платилъ свои деньги.

Узнаетъ Бѣлякевичъ отъ дѣвотокъ, что такой-то мужъ подрался съ женой,—требуетъ обидчика въ костельный дворъ «на покуту» (на эпитимію и расправу). Получаетъ свѣдѣнія о сожительствѣ католички съ православнымъ,—тащитъ сугубую грѣшницу сюда и ввергаетъ въ костельныя узилища и ведетъ вразумленіе падшей по своей системѣ. Словомъ, дѣвотки крѣпко овладѣли Бѣлякевичемъ и подъ вліяніемъ обожанія и преклоненія старыхъ дѣвъ предъ пастырскою ревностью недалекаго ксендза, онъ зарвался въ своихъ мѣрахъ до слишкомъ открытаго и грубаго оказательства того, что совершается келейно, тонко, какъ тайна церковной дисциплины.

Къ характеристикѣ Бѣлякевича и въ доказательство нашего мнѣнія, что обвиненный творилъ свои подвиги далеко не подъ вліяніемъ приступа фанатическаго экстаза, а съ какою-то тупою холодностью, какъ бы по указкѣ или рецепту, какъ истый цѣлитель, нужно замѣтить, что онъ мало похожъ былъ на пламеннаго Саваноролу. Бѣлякевичъ никогда и ни при какихъ случаяхъ не тратилъ словъ по пустому, не расточалъ цвѣтовъ краснорѣчія, не прибѣгалъ къ пастырскому увѣщанію, а прямо и рѣшительно приступалъ къ дѣлу, т. е. къ бичеванію. Во всѣхъ установленныхъ случаяхъ учиненнаго ксендзомъ истязанія и насилія надъ исправляемыми имъ пасомыми, онъ ни разу не предваралъ мѣръ физическаго воздѣйствія словомъ указанія, изслѣдованіемъ причинъ и обстоятельствъ беззаконной жизни того или другого исправляемаго грѣшника, а прямо безъ разговору или стегалъ, или сажалъ въ мѣста кастельнаго заключенія на хлѣбъ и воду, а послѣ уже бывало, что и дѣлалъ пастырскія наставленія. Затѣмъ въ исправительныхъ подвигахъ Бѣлякевича замѣчается такая расчитанность и систематичность въ степеняхъ наказанія, такое разнообразіе въ мѣрахъ, способахъ и орудіяхъ исправленія, что трудно допустить, чтобы молодой, малоопытный, плохо развитой ксендзъ — исправитель дѣйствовалъ по собственному творчеству безъ рецептуры практическаго богословія и шелъ бы не по проторенной ранѣе его дорожкѣ. Что въ дѣяніяхъ Бѣлякевича

ничего необычнаго для католиковъ не было, за это говоритъ, какъ увидимъ ниже, поведеніе настоятеля ксендза Керновскаго, не только знавшаго о всемъ и не возбранявшаго ничего своему викарію, но и отправлявшаго къ нему пацiентовъ. Не могъ не знать громкихъ подвиговъ Бѣлякевича прославившагося на всю округу и самъ епископъ Поллюліенъ и консисторія, живущія тутъ же рядомъ съ костельнымъ дворомъ и его узилищами, которыя въ иные дни всѣ были переполнены, такъ что и некуда было сажать новыхъ пацiентовъ.

III.

Орудія ковенской инквизиціи.

Что касается пріемовъ и орудій, употреблявшихся ксендзомъ Бѣлякевичемъ при исправленіи имъ порочныхъ своихъ клiентовъ, то одни изъ нихъ были обдержные и общеупотребительные у ксендзовъ, — таково лежаніе во время службы на кастельномъ (каменномъ?) полу «крыжемъ» (т. е. крестомъ, на чревѣ съ распростертыми руками), поклоны поясные, земные, колѣнопреклоненіе и др. Другіе—*необычные*,—таковы *удары*, счетные и несчетные, веревкой, кнутомъ, пастырскимъ жезломъ, *заключеніе* въ разныя карцерныя мѣста на различные сроки, начиная отъ нѣсколькихъ часовъ и продолжая нѣсколько дней, съ лишеніемъ свободы и пищи.

Употреблявшаяся для наказанія грѣшниковъ *веревочка* была пеньковая, длиною въ 4 аршина, въ объемѣ $^1/_2$ вершка съ узлами на концахъ. *Кнутикъ* — состоялъ изъ дротика и ремней трехвостки, *трость*—оливковаго дерева, длиною 1 аршинъ 3 вершка, толщиною въ окружности $1^3/_8$ вершка, внизу расщепленная (отъ ударовъ по грѣшнымъ тѣламъ направляемыхъ). Веревочка и кнутикъ всегда у ксендза Бѣлякевича были на готовѣ: онѣ лежали въ келіи на шкафу. Всѣ эти вещи фигурировали на судѣ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, вмѣстѣ съ головою діавола.

Голова діавола — выточенная изъ дерева, довольно ветхая съ высокими рогами, съ открытымъ ртомъ и выколотыми зубами съ козлиной бородкой. Она —отрѣзанная, и повидимому недавно, отъ статуи упраздненнаго діавола,

бывшей въ костелѣ подъ изображеніемъ Михаила Архангела.

Голова эта освѣщалась фосфорическимъ свѣтомъ въ темныхъ мѣстахъ заключенія и показываема была заключеннымъ, по объясненію ксендза Бѣлякевича, съ той цѣлью, чтобы наглядно показать, что своимъ поведеніемъ исправляемые грѣшники служатъ діаволу и находятся въ его власти.

Мѣстами заключенія были слѣдующія помѣщенія. *Подкостельный склепъ*. Посреди костела, противъ алтаря, черезъ люкъ въ полу, запираемый одностворчатою дверью, спускается въ него каменная со сбившимися ступенями лѣстница. Склепъ состоитъ изъ двухъ, соединяющихся длиннымъ корридоромъ, отдѣленій. Въ первое отдѣленіе свѣтъ еле пробивается съ конца корридора и изъ отверстія въ стѣнѣ изъ другого отдѣленія. Безъ огня въ немъ ничего нельзя видѣть. Въ этомъ первомъ отдѣленіи на полу находятся пять почти разрушившихся крышекъ гробовъ, съ человѣческими въ нихъ скелетами, а также валяются человѣческіе черепа. Во второмъ отдѣленіи склепа, хотя и имѣющемъ въ фундаментѣ костела небольшое оконце, царитъ, полумракъ и находящіеся въ немъ предметы слабо различаются. Въ этомъ отдѣленіи склепа на полу въ безпорядкѣ лежатъ, поставленные другъ на друга, двѣнадцать открытыхъ гробовъ со скелетами и мумифицированными трупами погребенныхъ здѣсь когда-то монахинь. Воздухъ въ склепѣ сырой, затхлый: приспособленій для естественныхъ отправленій заключенныхъ здѣсь не полагалось.

Вторымъ мѣстомъ заключенія служилъ въ примыкающемъ къ костелу зданіи *подземный погребъ*, который запирался двумя дверями: въ наружной стѣнѣ зданія и внизу лѣстницы. Погребъ совершенно темный, воздухъ въ немъ сырой, пропитанный затхлью и запахомъ гнилыхъ овощей, на полу при полицейскомъ осмотрѣ лежала дверная створка, приспособленная для лежанія, съ подложенными подъ нея каменьями. Въ этомъ погребѣ найдены были слѣды недавнихъ человѣческихъ испражненій.

И наконецъ, третье узилище было въ томъ же зданіи,— *коморка*, почти все пространство которой занимаетъ столъ изъ подъ катафалка, на который ставили отпѣваемыхъ мертвецовъ. Здѣсь, въ моментъ осмотра на стѣнѣ висѣло

изображеніе распятія, а на полу подъ нимъ видны были слѣды человѣческихъ испражненій!.. Другихъ предметовъ въ этомъ помѣщеніи не было. Освѣщается коморка небольшимъ надъ дверью окномъ, чрезъ которое, если оно открыто, можетъ проникать въ него воздухъ.

IV.

Кого именно и какими наказаніями «исправлялъ» ксендзъ Бѣлякевичъ.

Обращаясь къ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ исправительной системы Бѣлякевича, мы должны сказать, что судебнымъ слѣдствіемъ установлено восемь случаевъ истязанія осужденнымъ ксендзомъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ одной женщины православнаго исповѣданія, перешедшей, впрочемъ, изъ католицизма. Но не подлежитъ сомнѣнію, что практика Бѣлякевича обнимала гораздо большій кругъ паціентовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ широкая популярность Бѣлякевича, какъ исправителя и пламеннаго искоренителя пороковъ. О немъ знали далеко за предѣлами Ковны и обращались и совсѣмъ не прихожане его. Бывали дни, какъ мы замѣчали ранѣе, когда всѣ мѣста заключенія были заняты, и захристіанъ, вѣрный сподвижникъ своего настоятеля, терялся, куда дѣвать новыхъ грѣшниковъ.

Затѣмъ, слѣдственносудебная власть была поставлена въ крайне тяжелое положеніе при раскрытіи беззаконныхъ ксендзовскихъ дѣяній, такъ-какъ и потерпѣвшіе и свидѣтели всѣ были католики, на которыхъ было всесильное воздѣйствіе агитаціи, старавшейся замести всѣ слѣды. Кромѣ того, не только свидѣтели, но и потерпѣвшіе никакъ не хотѣли видѣть въ варварскихъ дѣяніяхъ и недостойномъ христіанскаго пастыря–поведеніи ксендза чего-либо противозаконнаго, преступнаго. Окружающая среда на исправительныя мѣры ксендза смотрѣла, какъ на оправдываемыя его властью и правомъ. Ксендзъ Бѣлякевичъ грозилъ упиравшимся Сибирью и Сахалиномъ. Не только женщины, но и мужчины шли въ «клебанъ» по первому же приказу ксендза, при томъ зная, что идутъ на нешу-

точную расправу, и безропотно подвергали себя костельному заключенію и бичеванію. Болѣе того, никто изъ потерпѣвшихъ не выражалъ ни единаго слова укора или сожалѣнія по поводу понесенныхъ имъ отъ руки своего пастыря тѣхъ или другихъ наказаній, а наоборотъ, скорѣе выражалась признательность, признавались въ дѣяніяхъ подсудимаго долгъ и ревность, достойные уваженія. Свидѣтели католики нѣсколько разъ мѣняли свои показанія, не боясь грѣха клятвопреступленія, лишь бы облегчить тяжесть вины подсудимаго предъ уголовными законами Имперіи. Такъ-что получалась картина какого-то духовнаго рабства и закрѣпощенія католической народной массы у костела и ксендза, что мыслимо въ Церкви только при той системѣ ксендзовскаго господства надъ Божіимъ созданіемъ, какой такъ неприкосновенно слѣдовалъ Бѣлякевичъ.

Поведеніе, настроеніе, взгляды и образъ мыслей потерпѣвшихъ и свидѣтелей именно убѣждаютъ въ томъ мнѣніи, что дѣянія Бѣлякевича не есть плодъ его личнаго изобрѣтенія, а представляютъ собою продуктъ традиціонной системы католицизма,—есть обломокъ, отголосокъ средневѣковой инквизиціи.

Достойно вниманія, что и у самихъ-то ксендзовъ польскаго края глубоко вкоренилася идея о своемъ правѣ властвовать надъ душою и тѣломъ духовно-закрѣпощенной католической массы, такъ-что ксендзы ничтоже сумнясь привыкли обращаться къ полицейскимъ агентамъ съ приказами о приводѣ въ клебанъ того или другого провинившагося предъ ними прихожанина «на покуту». И требованія эти полиціей исполнялись, пока не обратилъ вниманія на это безправіе мѣстный губернаторъ и циркулярно не разъяснилъ по полиціи, что требованія ксендзовъ о приводѣ незаконны и исполненію не подлежатъ.

Но обратимся къ фактамъ. Документальныя данныя такъ повѣтствуютъ о подвигахъ Бѣлякевича по исправленію. Начнемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ началѣ марта 1898 года на развѣтѣ къ Станиславу Ѳаддѣеву Бурнейко пришелъ служитель костела Св. Троицы и позвалъ его къ ксендзу Бѣлякевичу. Бурнейко тотчасъ же послѣдовалъ за посланнымъ и явился къ ксендзу, который былъ уже въ костелѣ, и послѣдній, не сказавъ ему

ни слова, велѣлъ запереть его въ погребѣ, гдѣ онъ и просидѣлъ, не получая пищи, въ совершенной темнотѣ, до 5 часовъ вечера, когда самъ Бѣлякевичъ выпустилъ его оттуда, сказавъ, что если и впредь онъ не будетъ жить съ женою, то будетъ посаженъ въ погребъ уже не на одинъ день, а на три недѣли.

Въ концѣ іюня того-же года около шести часовъ вечера ксендзъ Бѣлякевичъ зашелъ къ нѣкоей Прасковьѣ Николаевой Романовской и спросилъ, у нея ли живетъ Антонъ Айкевичъ. Узнавъ, что Айкевичъ на работѣ, онъ велѣлъ ей идти въ костелъ. Она было хотѣла ослушаться, заявивъ, что она православная, но работавшіе на дворѣ дровосѣки сказали, что если она не пойдетъ добровольно, то ксендзъ Бѣлякевичъ *имѣетъ право* привести ее съ полиціею, почему она и послѣдовала за нимъ. При выходѣ изъ дому, ихъ встрѣтилъ неизвѣстный ей человѣкъ, которому ксендзъ приказалъ отвести ее на костельный дворъ. По дорогѣ она зашла на фабрику, на которой работалъ Айкевичъ, и сообщила ему о случившемся; Айкевичъ и работавшій на той же фабрикѣ сынъ ея Николай послѣдовали за нею въ костелъ. Здѣсь Николай Романовскій просилъ ксендза Бѣлякевича, отдавшаго приказаніе запереть его мать, не дѣлать этого, такъ-какъ она православная, обѣщая принести свидѣтельство священника, но Бѣлякевичъ, не обращая вниманія на эти заявленія, приказалъ Романовской идти въ сарай, грозя, въ случаѣ неповиновенія, дать распоряженіе «разложить ее и наказать». Прасковья Романовская подчинилась и вошла въ сарай, гдѣ и была заперта. Погода въ тотъ день была сырая и пасмурная. Взятая изъ дому босой, въ одной лѣтней кофточкѣ и ситцевомъ платкѣ, она въ сараѣ вскорѣ промерзла, стала плакать и стучать въ дверь, прося выпустить ее. Сторожъ, пріоткрывъ дверь, сказалъ, что она просидитъ всю ночь, если будетъ стучать, однако черезъ нѣсколько минутъ вернулся и привелъ въ комнату къ Бѣлякевичу. Тутъ же ксендзъ увѣщалъ ее разлучиться съ Айкевичемъ и отпустилъ домой. Была уже ночь, когда черезъ полчаса послѣ ея возвращенія отъ ксендза вернулся и Айкевичъ, разсказавшій, что онъ сидѣлъ въ клебанѣ въ погребѣ.

Антонъ Айкевичъ говоритъ, онъ оклеветанъ доносомъ «девотокъ» въ томъ, что онъ будто бы живетъ у

православной Прасковьи Романовской. Ксендзъ Бѣлякевичъ раза два заходилъ къ нему на квартиру, но не заставалъ его дома. Когда же онъ былъ взятъ съ фабрики и приведенъ съ Романовскою на костельный дворъ, ксендзъ и объявилъ имъ, что они будутъ посажены въ сарай «на покуты». Не обращая никакого вниманія на заявленія Романовской и ея сына о томъ, что они православные, ксендзъ приказалъ служителямъ исполнить его распоряженіе, и вотъ въ сарай сначала была заперта Романовская, а потомъ и онъ, Айкевичъ. Здѣсь потерпѣвшій *сталъ плакать* и говорилъ сторожу Янковскому, что за пять лѣтъ военной службы ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ, а теперь «отъ сраму» повѣсится. Тогда черезъ полъ-часа сторожа увеличили тяжесть заключенія, переведши его въ погребъ, гдѣ въ то время стоялъ пустой гробъ. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ Айкевичъ былъ приведенъ на квартиру ксендза Бѣлякевича, который сдѣлалъ ему внушеніе и убѣждалъ перейти съ квартиры Романовской, *грозя иначе высылкою изъ Ковны по этапу и утверждая, что имѣетъ власть это сдѣлать.*

6-го августа 1898 года Антонъ Михайловъ Мацкайтисъ (онъ же Антукъ), вернувшись около 12 часовъ дня съ работы домой и узнавъ отъ десятилѣтней дочери своей отъ перваго брака, что ее обижаетъ жена его, — пошелъ жаловаться на нее къ ксендзу Бѣлякевичу, такъ-какъ зналъ, что онъ въ подобныхъ случаяхъ оказываетъ своимъ прихожанамъ содѣйствіе. Ксендза онъ засталъ въ ризничной и не успѣлъ еще передать своей просьбы, какъ Бѣлякевичъ закричалъ на него, что онъ пьянъ, вывелъ изъ костела и заперъ въ коморку, въ которой продержалъ до 7 часовъ вечера слѣдующаго дня, прислалъ ему за все это время только кусокъ черстваго хлѣба и немного воды.

Нѣкая Софія Станиславова Рымковичъ, узнавъ отъ подругъ, что у какихъ-то евреевъ проживаетъ дѣвушка католичка - Изабелла Ненартовичъ, не бывшая нѣсколько лѣтъ у исповѣди и состоящая якобы въ связи съ евреемъ,—рѣшила «избавить ее отъ погибели» и приняла къ себѣ на работу, но, убѣдившись вскорѣ, что самой ей не удастся спасти Ненартовичъ отъ погибели, въ началѣ августа 1898 года отвела ее къ ксендзу Бѣлякевичу.

Ксендзъ, встрѣтивъ ее словами: «ты будешь жить съ евреемъ»,—отвелъ въ костелъ и заключилъ въ склепъ. По словамъ потерпѣвшей ей было страшно, она думала, что ей насталъ конецъ, но передъ вечеромъ ризничій Григасъ перевелъ ее въ коморку, а утромъ снова заперъ въ склепъ, и такъ, переводя изъ склепа въ коморку и обратно, ее продержали три дня, слѣдующіе же четыре дня ее держали запертой только въ коморкѣ, давая ежедневно лишь по фунту хлѣба. Нужно сказать, что Ненартовичъ совсѣмъ ребенкомъ высматриваетъ, еврей же, мнимый ея любовникъ —это какое-то отвратительнѣйшее чудовище: идіотъ, не умѣющій проговорить ни одной фразы, оборванный, грязный, старый. Предполагать связь дѣвочки съ этимъ омерзительнымъ страшилищемъ—одно безуміе. Бѣлякевичъ, несомнѣнно, сдѣлался здѣсь жертвою досужихъ сплетенъ девотокъ. Но удивительно, что дѣвочка эта, отрицая конечно вначалѣ связь съ евреемъ, послѣ, когда агитація походила около нея, забывъ стыдъ — хладнокровно заявляла, что жила съ евреемъ. Клятвопреступленіе было явное.

Но наиболѣе характернымъ во всѣхъ отношеніяхъ исправительнымъ подвигомъ Бѣлякевича является случай съ дѣвицей дворянкой Констанціей Симоновичъ. Эпизодъ съ этой потерпѣвшей представляетъ самую краснорѣчивую страницу изъ исторіи дѣяній осужденнаго католическаго пастыря. Обстоятельства дѣла таковы. Дѣвица Симоновичъ, оставивъ домъ отчима, уѣхала въ Ригу въ услуженіе. Тамъ пала и оказалась въ домѣ терпимости. Узнавъ объ этомъ, родители вытребовали порочную дочь чрезъ полицію и въ одинъ изъ воскресныхъ дней приводятъ грѣшницу «въ клебань», т. е. на костельный дворъ до пана ксендза Бѣлякевича. Послѣдній былъ на прогулкѣ. Настоятель ксендзъ Керповскій и другой ксендзъ Генисъ, узнавъ о цѣли прихода этихъ посѣтителей, перекинулись нѣсколькими словами укора по адресу блудницы, и приказали дожидаться Бѣлякевича, который скоро де придетъ. Явился и великій мастеръ Бѣлякевичъ. Выслушавъ просьбу стариковъ, ксендзъ велитъ послѣднимъ остаться въ корридорѣ или сѣняхъ, а дѣвицѣ Симоновичъ слѣдовать за нимъ въ келію свою. Та идетъ. Затворяются двери. И что же дѣлаетъ далѣе этотъ христіанскій пастырь? Думаете,—

онъ наединѣ хочетъ коснутся ея совѣсти, распрашиваетъ, «на духу», что ее довело до того рокового шага и толкнуло въ омутъ, гдѣ нѣтъ счастливыхъ? Сталъ обличать и увѣщевать исправиться, не гнѣвить Бога, не позорить сѣдыхъ волосъ родителей? Нѣтъ! Ксендзъ Бѣлякевичъ, не говоря ни худого, ни добраго слова, едва грѣшница переступила порогъ келіи духовнаго отца, тотъ беретъ со шкафа «веревочку» и начинаетъ стегать ею по шеѣ и плечамъ Симоновичъ, нещадно полосуя женское тѣло продажной дѣвушки... Сколько нанесено ударовъ, осталось тайной, ибо и родители, и потерпѣвшая всячески смягчаютъ эту вину своего ксендза. Затѣмъ, Бѣлякевичъ зоветъ родителей и приказываетъ дочери кланяться имъ и цѣловать ихъ ноги. Когда Симоновичъ выразила нерѣшительность, Бѣлякевичъ схватываетъ истерзанную бичемъ и стыдомъ дѣвицу за шею и ниспровергаетъ ее на полъ къ ногамъ родителей, шляпка летитъ на полъ, растрепанные волосы покрываютъ лицо и исполосованныя плечи, а Констанція, обливаясь слезами, цѣлуетъ ноги отчима и матери... Интересное психологическое явленіе: Симоновичъ теряетъ всякую волю и дѣлается послушною волѣ ксендза Бѣлякевича; никто болѣе не слышитъ отъ нея слова протеста и проявленія упорства: она все исполняетъ автоматически... Послѣ этой сцены, достойной кисти художника, Б—чъ повелъ родителей и дочь въ костелъ, гдѣ велѣлъ Констанціи лежать «кшижемъ» предъ алтаремъ во всю «нешпору» (вечерню)... Затѣмъ, отпустивъ родителей, ксендзъ-исправитель велитъ захристіану (ризничему) Григасу заключить Симоновичъ въ склепъ, въ первое его отдѣленіе.

По уходѣ захристіана, объятая страхомъ Симоновичъ металась во всѣ стороны: она пыталась выбраться чрезъ окно, всюду искала выхода, но не могла его найти, тогда, боясь гробовъ, она въ отчаяніи бросилась во 2-е темное отдѣленіе склепа, гдѣ и сѣла на сырой землѣ, въ какомъ-то душевномъ окаменѣніи... Чрезъ нѣсколько часовъ пришелъ навѣстить несчастную заключенную тотъ же Григасъ и, не нашедши ее въ 1 отдѣленіи, сдѣлалъ Констанціи упрекъ, зачѣмъ де она не сидитъ тамъ, гдѣ ей паномъ ксендзомъ наказано. Симоновичъ сказала, что ей страшно тамъ. Здѣсь бояться нечего: здѣсь въ гробахъ святые покоятся, а

вверху св. алтарь, успокаивалъ истерзанную дѣвушку добродѣтельный ризничій.

Григасъ ушелъ. Симоновичъ по слѣдамъ его добралась до лѣстницы и силилась поднять крышку склепа, но не смогла. Боясь спуститься внизъ, выбившись изъ силъ, потерявъ надежду на возможность выбраться изъ этой мрачной засады, она рѣшилась на крутыхъ каменныхъ ступеняхъ лѣстницы прокоротать всю страшную ночь и утро. О заключенной вспомнили только послѣ обѣдни: къ ней явился тотъ же Григасъ, принесшій табуретку и молитвенникъ, съ наказомъ сѣсть, гдѣ лучъ свѣта пробивается въ страшное подземелье, и читать молитвы. О пищи и питіи не думала ни сама заключенная, ни ея спасатели.

До самаго вечера пробыла здѣсь Констанція безъ пищи и питія. Захристіанъ послѣ нешпры снова явился и когда объявилъ, заключенной чтобы она шла на свѣтъ въ коморку, что тамъ ей будетъ лучше, то Симоновичъ не только не обрадовалась, но наотрезъ отказалась оставить подземелье, заявивъ: *мнѣ здѣсь хорошо*... Но что это? *Улыбка страданія!* Въ страшные сутки несчастная дѣвушка такъ много пережила, перестрадала, до дна выпила всю чашу перенесеннаго ею отъ людей униженія, закончившагося плетью и пинками духовнаго отца, что ей дѣйствительно оказалось теперь самымъ лучшимъ сидѣть въ этой тьмѣ кромѣшной и не видѣть никого изъ людей... Не трудно представить, что передумала заключенная въ эту страшную ночь: отецъ умеръ, мать вышла за другого мужа. Отчимъ возненавидѣлъ падчерицу. Въ домѣ насталъ содомъ и адъ для нея, изъ котораго она вырывается на свободу, уѣхавъ въ Ригу на службу, будучи дѣвушкой честной. Жила, трудилась. Городская среда пахнула на неопытную своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. А тутъ оказался еще и просроченнымъ паспортъ. Изъ дома другой не высылаютъ. Дальше нельзя было оставаться въ городѣ, а можетъ быть и переѣхать не на что. И вотъ въ этотъ затруднительный моментъ предлагаетъ какая-то мадамъ свои услуги, обѣщаясь все *устроить* какъ нельзя лучше... Симоновичъ попадаетъ въ вертепъ, гдѣ теряетъ честность и невинность. По просьбѣ родителей, отыскиваетъ ее полиція и водворяетъ обратно въ Ковну. Отчимъ и мать нападаютъ, упрекаютъ, всѣ знакомые клеймятъ позоромъ,

никто не пожалѣетъ... Падшая, озлобленная, она грубитъ родителямъ. Послѣдніе ведутъ ее въ клебань къ великому исправителю Бѣлякевичу. Симоновичъ идетъ охотно къ духовному отцу, подъ сѣнь храма, куда Божественный Учитель зоветъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ грѣхами многими. Грѣшница здѣсь думаетъ выплакать свое горе въ покаяніи духовнику, въ молитвѣ предъ пречистымъ образомъ Милосердаго Спасителя, желая обрѣсти покой своей страждущей, душѣ мятущейся совѣсти... Но вотъ является пастырь Бѣлякевичъ, бросаетъ на нее свой тупой холодный взглядъ и ведетъ въ келію... И о ужасъ, о позоръ! Душу падшей женщины поражаетъ здѣсь еще ни разу въ жизни ни отъ кого не испытанное поруганіе бичеваніемъ веревкой! за что? за грѣхи! Слыхалъ ли кто, чтобы на православной Руси, православный пастырь когда либо бичевалъ своихъ пасомыхъ за грѣхи!.. И воспоминается здѣсь по закону контраста евангельское повѣствованіе о женщинѣ, ятой въ любодѣяніи фарисеями, и отношеніе къ грѣшницѣ Божественнаго Пастыреначальника. Какъ оказался далекъ отъ подражанія Ему ковенскій пастырь. Вотъ почему дѣвица Симоновичъ была сражена и сразу потеряла волю, сдѣлавшись яко овечка. Терпѣливъ сидитъ цѣлые сутки, не чувствуя голода и жажды, во страшной обстановкѣ, среди истлѣвшихъ тѣлъ и развалившихся гробовъ, въ костельномъ склепѣ,—въ тьмѣ и сырости и не хочетъ оставлять этой могилы. Переживъ ужасы первой ночи заключенія, она хорошо себя чувствуетъ вдали отъ всего и отъ всѣхъ—здѣсь ей лучше, чѣмъ видѣть постылый свѣтъ, съ его палачами и жестокимъ поруганіемъ надъ ней!.. Но слово ксендза исправителя свято. Симоновичъ перевели въ другія мѣста, и, строго слѣдуя своей системѣ исправленія порочныхъ, Бѣлякевичъ продержалъ Констанцію съ лишеніемъ свободы 10 дней. Исправленіе закончилось исповѣдью, причастіемъ и отдачею родителямъ исправленною.

Говорятъ, что дѣйствительно Констанція съ тѣхъ поръ исправилась и ведетъ себя честно, родителямъ покорна. мы видѣли дворянку Констанцію Симоновичъ: это совсѣмъ еще молодая, стройная, высокая блондинка, съ печатью на лицѣ сломленной гордости, пережитыхъ муки — разбитаго счастія. На вопросы объ исторіи исправленія своего

ксендзомъ Бѣлякевичемъ, она отвѣчаетъ потупивъ взоры, отрывочно, не охотно,—нервно подергивая плечами какъ бы боясь вспоминать всѣ подробности. Но однако безъ озлобленія и негодованія.

Омраченный своими кажущимися успѣхами по *исправленію провинившихся чѣмъ-либо предъ костеломъ* и ксендзомъ прихожанъ столь несвойственными христіанскому пастырю мѣрами, Бѣлякевичъ разъ отъ разу дѣлался все болѣе и болѣе жестокимъ. Поправъ Божественные завѣты Того, Кто сказалъ: «Азъ есмь кротокъ и смиренъ сердцемъ» —этотъ католическій священникъ, мало по малу, совсѣмъ выпустилъ изъ своихъ пастырскихъ рукъ Крестъ и Евангеліе, — эти священные символы любви и мира, и наоборотъ, крѣпко ухватился за орудіе злобы и насилія, — за плети и палку, которыми властно и смѣло поражалъ и душу и тѣло своихъ пасомыхъ, пока, въ своемъ нравственномъ паденіи. при слѣпомъ служеніи долгу, не сдѣлался палачемъ и не нарвался на протестантовъ въ лицѣ Евы Берантовичъ, разоблачившей безчеловѣчные поступки ксендза. Ева Берантовичъ, повидимому, принадлежитъ къ такимъ лицамъ, которые очень задолжены передъ Богомъ, и адъ мало страшитъ ихъ, однако, судя по дальнѣйшему ея поведенію въ этомъ дѣлѣ, она не дерзнула бы донести о своемъ истязаніи русской власти на своего пастыря, если бы не имѣла сильной протекціи, въ лицѣ невѣсты мѣстнаго пристава, дѣвицы Чайковской у которой была прачкой. Увидавъ истерзанную, плачущую отъ боли Берантовичъ, Чайковская посовѣтовала ей заявить полиціи и убѣдила запуганную католичку, что ксендзъ никакого права не имѣетъ такъ истязать своихъ прихожанъ.

И вотъ, около 11 часовъ вечера 16 августа 1898 г., *проживающая въ городѣ Ковнѣ прачка Евва Матвѣевна* Берантовичъ заявляетъ полицеймейстеру, что ксендзъ Бѣлякевичъ сильно избилъ ее и выдержалъ въ теченіе сутокъ въ заключеніи при костелѣ Св. Тройцы за то, что она держитъ у себя на квартирѣ Юзефу Жуковскую, живущую въ связи съ православнымъ, и что Жуковская также заключена ксендзомъ Бѣлякевичемъ послѣ нея при костелѣ.

Выслушавъ заявленіе Бернатовичъ и освидѣтельствовавъ ее черезъ вольнопрактикующаго врача Коцына, нашедшаго, что ей дѣйствительно не позже сутокъ нанесены

были, причинявшіе значительную боль, побои плетью или веревкою, полицеймейстеръ Карамалинъ съ 2 приставами — Ерасовымъ и Иваценцовымъ, и помощникомъ пристава Лисицынымъ, въ 2 часа ночи прибылъ въ костелъ Св. Тройцы и направился прямо къ настоятелю съ вопросомъ: гдѣ у нихъ находится Жуковская; послѣдній сначала отказался, говоря, что никакой Жуковской нѣтъ, а потомъ тутъ же спохватившись заявилъ, что дѣйствительно, ксендзъ Бѣлякевичъ приказалъ запереть ее въ сарай для вытрезвленія. Явился и ксендзъ Бѣлякевичъ. Оба были смущены появленіемъ полиціи въ такой часъ и въ замѣшательствѣ называли чиновъ полиціи не иначе какъ ваше превосходительство. Ксендзъ Бѣлякевичъ предупредительно хотѣлъ самъ пойти и представить полиціи Жуковскую. Но догадливый полицеймейстеръ отклонилъ его услуги и пошли всѣ въ камеру. Полиція была съ фонарями. И вотъ, когда дверь этой коморки была отперта принесеннымъ сторожемъ костела Янковскимъ ключемъ, то въ ней они увидѣлидушу раздиравшую картину: на столѣ изъ подъ катафалка лежала въ полузабытьи Юзефа Жуковская. Она слабо стонала, видъ у нея былъ истерзанный, кофта разорвана, волосы растрепаны, руки распухли, колѣни ободраны и въ крови. Когда полиція вошла Жуковская испуганно проговорила: «опять бить»! Около стола на полу были испражненія. На допросы, Жуковская тутъ же объяснила, что ксендзъ Бѣлякевичъ привелъ ее съ помощью костельныхъ служителей, братьевъ Биневичей, въ клебань, таскалъ по подваламъ и избилъ веревкою и кнутами. Жуковская была отправлена въ участокъ. Клебани были встревожены, и въ ту-же ночь приступлено было къ заметанію слѣдовъ. Допрошенные надругой день въ формальномъ порядкѣ Жуковская и Берантовичъ дали первое показаніе: Бернатовичъ говорила, что въ 7 часовъ вечера 15 августа на квартиру къ ней пришелъ ксендзъ Бѣлякевичъ и приказалъ ей идти въ костелъ. Приведя въ свою комнату, ксендзъ Бѣлякевичъ сталъ ее бранить за то, что она принимаетъ къ себѣ русскихъ и позволяетъ квартиранткѣ своей Юзефѣ Жуковской имѣть сожитіе съ православнымъ. И тутъ же ксендзъ Бѣлякевичъ взялъ было со шкапа веревку и намерѣвался бить ее, но Б—чъ бросилась цѣловать его ноги и просила отпустить ее. Не тронувъ ее, ксендзъ отвелъ ее въ коморку, въ которой и

заперъ ее. Ей стало холодно и страшно, хотѣлось ѣсть и казалось, что она сойдетъ съ ума. Ночь она провела въ досадѣ и мученіи. На слѣдующій день около 12 часовъ ее отвели въ костелъ, гдѣ ксендзъ Бѣлякевичъ велѣлъ обезсилившей отъ голода, холода и безъ сна лежать предъ собравшимся народомъ, распростершись крестомъ у алтаря. По окончаніи службы, продолжавшейся часъ, Берантовичъ снова отвели въ коморку, откуда она просилась, но ее не выпускали, и хотя въ это время ей принесли пищу, но ѣсть она не могла, а начала кричать и угрожать, что заявитъ полиціи, если ее не отпустятъ. Объ угрозахъ ея костельные служители передали ксендзу Бѣлякевичу, который счелъ ихъ за оскорбительныя и привелъ ее къ себѣ въ комнату, гдѣ и сталъ не говоря ни слова смирять непокорную прихожанку толстою веревкою по плечамъ и другимъ частямъ тѣла. Билъ очень больно, жестоко ударяя много разъ по одному и тому же мѣсту. Чтобы заглушить крики своей жертвы, ксендзъ закрутилъ ей ротъ платкомъ и, продолжая бить, толкнулъ ее, и Б—чъ упала безъ чувствъ на полъ, но и лежащую ее онъ снова билъ, пока, потерявъ силы, она не перестала кричать и не лишилась сознанія. Тутъ Бѣлякевичъ явился уже милосердымъ самаряниномъ: онъ далъ вина и воды холодной Б—чъ и привелъ ее въ чувство. Въ это время наступилъ часъ нешпора (вечерни), и ксендзъ повелъ истерзанную, измученную женщину въ костелъ, разложилъ ее крестомъ и по окончаніи службы отпустилъ домой, съ наказомъ, впредь «не сводничать».

Отпустивъ Берантовичъ домой, Бѣлякевичъ съ слугою Беневичемъ около 8 часовъ вечера того же числа отправился на поиски Юзефы Жуковской, которую встрѣтилъ на улицѣ. Нужно замѣтить, что ксендзъ никогда не зналъ и не видалъ Жуковской. Беневичъ указалъ на шедшую Юзефу—вотъ она,—схватилъ ее за руки и вмѣстѣ съ ксендзомъ поволокъ къ костелу, нанося по дорогѣ удары, въ отвѣтъ на сопротивленіе и угрозы. Приведя на костельный дворъ, они помѣстили ее въ погребъ и тамъ продолжали бить, причемъ ксендзъ билъ палкой, которая отъ одного удара треснула, и приговаривалъ «сошлась съ русскимъ и волочишься съ нимъ четыре года, а свою вѣру забываешь». Потерявъ отъ боли сознаніе, она помнитъ, что черезъ нѣ-

которое время ее перевели въ другой погребъ, а оттуда въ помѣщеніе, въ которомъ она и найдена была полиціею. Приведя въ комору, ее освѣтили фосфорическимъ свѣтомъ, показали голову дьявола и черепъ, говоря: «вотъ тебѣ смерть тутъ будетъ».

При судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи Еввы Берантовичъ и Юзефы Жуковской, 17-го августа, на спинахъ, плечахъ, рукахъ, и на груди у нихъ найдены многочисленныя кровоподтечныя полосы, пятна и ссадины, причиненныя имъ, по заключенію врачей экспертовъ, не долѣе полуторыхъ сутокъ до освидѣтельствованія ударами твердымъ и тупымъ предметомъ, какъ напр. плетью, палкою, веревкою, причемъ множественность этихъ поврежденій и характеръ ихъ привели экспертовъ къ заключенію, что они наносились продолжительное время, были мучительны и сопровождались нравственнымъ потрясеніемъ.

V.

Судебное слѣдствіе надъ ксендзомъ Александромъ Казимировымъ Бѣлякевичемъ.

Полицейская власть, усмотрѣвъ изъ предварительнаго своего дознанія признаки уголовнаго преступленія въ дѣяніяхъ кс. Бѣлякевича, немедленно передала дѣло прокурорскому надзору. Судебное слѣдствіе началось не позже, какъ черезъ сутки послѣ описаннаго полицейскаго визита въ «клебань». Слѣдствіе начато было съ осмотра мѣстъ заключенія «исправляемыхъ» ксендзомъ Бѣлякевичемъ грѣшниковъ, допроса обвиняемаго и ближайшихъ свидѣтелей.

При новомъ посѣщеніи костельнаго двора судебною и полицейскою властью здѣсь среди обитателей его замѣчалась общая растерянность и поспѣшное заметаніе слѣдовъ. Изъ клебани началось выпроваживаніе, или вѣрнѣе бѣгство, сподвижниковъ Бѣлякевича: захристіанъ Григасъ, Беневичъ пустились въ путь-дорогу во свояси, ссылаясь на усталость въ службѣ, на нездоровье. Самого Бѣлякевича въ моментъ ареста, который произведенъ былъ въ 12 часу ночи,—чтобы избѣжать фанатическаго неистовства девотокъ,—полиція нашла лежащимъ на койкѣ своей келіи

въ полномъ одѣяніи и вообще готовымъ, повидимому,—тоже куда то въ походъ,—подъ кроватью его находились набитый вещами, связанный дорожный сакъ и чемоданъ. Это дало поводъ къ небезосновательному предположенію, что ксендзъ Бѣлякевичъ имѣлъ намѣреніе, во избѣжаніе преслѣдованія, скрыться за границу, что между тѣмъ и вызвало со стороны судебнаго слѣдователя принятіе такой мѣры, какъ заключеніе подсудимаго подъ стражу. Мѣра эта имѣла также въ виду и пресѣченіе Бѣлякевичу, какъ лицу вліятельному, возможности оказывать давленіе на совѣсть свидѣтелей—прихожанъ, при показаніяхъ ихъ судебной власти. По заключеніи въ тюрьму, за Бѣлякевича была представлена поручителями сумма въ 5 тыс. руб., и Ковенскій судъ признавалъ было возможнымъ отмѣнить мѣру заключенія, но Виленская судебная палата посмотрѣла на дѣло иначе, и Бѣлякевичъ до самаго суда находился подъ стражею.

Заметаніе слѣдовъ, между прочимъ, коснулось и извѣстной статуи діавола: отъ нея въ руки судебной власти попалась лишь «свѣжеотпиленная» голова, туловища же не оказалось. Не успѣли лишь, — а вѣрнѣе сказать не обратили должнаго вниманія (такъ сжились съ такимъ явленіемъ!)—костельные попустители и соучастники Бѣлякевича очистить мѣста заключенія отъ грязи и мерзости. А между тѣмъ картина запустѣнія ложится мрачною тѣнью на главу служителей католическаго алтаря и не можетъ не возмущать до глубины души христіанское чувство всякаго человѣка. И на самомъ дѣлѣ: храмъ Господень, алтарь для принесенія безкровной жертвы, подъ нимъ усыпальница. куда ксендзы водятъ вѣрныхъ католиковъ на поклоненіе какъ святынѣ, и тутъ же—устроено ими мѣсто заключенія и пытки порочныхъ, при этомъ пастырями ничего не предпринято для огражденія дорогихъ католикамъ мѣстъ отъ загрязненія естественными потребностями истязуемыхъ! И вотъ, среди останковъ почившихъ, гдѣ распятіе Христа и другія реликвіи свято чтимыя, найдены полиціей человѣческія испражненія!! Какое паденіе со стороны католическихъ пастырей, какое грубое оскорбленіе религіознаго чувства вѣрнаго костелу народа! Не забудемъ, что и настоятель Керповскій, и молодой ксендзъ академикъ г. Генисъ

отлично знали, когда Бѣлякевичъ заключалъ въ склепы и каморы порочныхъ прихожанъ.

При первомъ допросѣ всѣ, начиная съ Бѣлякевича и кончая Керповскимъ, отрицали все и вся. Настоятель Керповскій показалъ, что онъ ничего не знаетъ о дѣйствіяхъ своего викарнаго Бѣлякевича и не допускаетъ подобныхъ поступковъ съ его стороны, въ какихъ-де обвиняетъ добраго пастыря развращенная Бернатовичъ. Позже, когда Бѣлякевичъ, будучи уже въ тюрьмѣ, сдѣлалъ признаніе насчетъ своихъ дѣйствій и орудій, Керповскому уже нельзя было отпираться незнаніемъ и онъ заявилъ, что дѣйствительно зналъ, что Бѣлякевичъ ревностно занимается исправленіемъ порочныхъ, и видѣлъ пользу отъ его мѣръ, а потому не мѣшалъ, да и не имѣлъ времени вникать хорошенько въ поступки и поведеніе своего викарнаго товарища (съ которымъ, замѣтимъ, вмѣстѣ жилъ и ежедневно обѣдалъ), такъ-какъ занятъ былъ «ремонтомъ костела». Какая дѣтская уловка престарѣлаго фарисея!

Подсудимый Бѣлякевичъ первоначально вкратцѣ сдѣлалъ такое показаніе. Евва Бернатовичъ якобы *сама* пришла на службу въ костелъ и *сама* зашла къ нему, какъ ксендзу, съ жалобой на дурное поведеніе мужа и съ просьбой повліять на него. Ксендзъ уговорилъ ее остаться при костелѣ исповѣдаться, и Евва осталась добровольно при костелѣ ночевать, а ксендзъ (для сохранности!) велѣлъ ее запереть на ночь на замокъ въ камору. На другой день, въ воскресенье,—ризничій привелъ Бернатовичъ въ костелъ для публичнаго покаянія,—и ксендзъ приказалъ ей всю обѣдню лежать на полу ницъ, а потомъ снова велѣлъ Евву—въ ожиданіи вечерни—запереть въ камору, откуда часа въ 4 дня Бѣлякевичъ потребовалъ Бернатовичъ въ столовую, общую съ настоятелемъ, гдѣ якобы ксендзъ Керповскій, по просьбѣ его—Бѣлякевича, увѣщалъ ее; въ отдѣльную же комнату онъ Бер-чъ не водилъ, веревкой побоевъ не наносилъ, а послѣ де увѣщанія настоятеля повелъ въ костелъ «на нешпору» (вечерня), гдѣ снова кающаяся лежала ницъ, а потомъ уже съ миромъ пошла домой. Жуковскую онъ, Бѣлякевичъ, встрѣтилъ на дорогѣ пьяною и велѣлъ служителю для вытрезвленія отвести ее въ клебань, гдѣ хотѣлъ завести порочную женщину въ квартиру настоятеля для увѣщанія (необходимо замѣтить, что Бѣлякевичъ во

всѣхъ своихъ показаніяхъ дѣлаетъ своимъ сообщникомъ въ своихъ подвигахъ настоятеля Керповскаго), — но Жуковская не хотѣла идти по лѣстницѣ, буянила, кричала, тогда Бѣлякевичъ приказалъ служителямъ запереть пьяную въ камору, а служитель Беневичъ, по своему усмотрѣнію, посадилъ ее на нѣкоторое время въ погребъ. Жуковской онъ, Бѣлякевичъ, также не билъ, Бернатовичъ могъ избить мужъ, а Жуковскую *любовникъ*. Ни веревочки, ни кнутика у него нѣтъ и не было.

Но безпокойство царило не въ одной только клебани,— оно овладѣло всѣмъ католическимъ населеніемъ Ковны, а среди девотокъ происходила цѣлая буря: однѣ изъ нихъ день и ночь проливали слезы подъ сводами костела и у его стѣнъ, оплакивая «пана ксендза», другія,—какъ злые вороны, налетѣли съ проклятіями на Бернатовичъ и Жуковскую. Послѣ чего та и другая подали прошенія полиціи и прокурорскому надзору, что жалобы ихъ о причиненныхъ имъ Бѣлякевичемъ истязаніяхъ «даны въ запальчивости», что ксендзъ ихъ не билъ, а только угрожалъ, если и ударилъ, то не болѣе 2—3 раза веревочкой,— кровоподтеки же у нея Бернатовичъ отъ побоевъ мужа. Жуковская же заявила, что ее ксендзъ пьяную встрѣтилъ случайно и только-разъ ударилъ «палочкой», побои же нанесены ей москалями «солдатами», ей неизвѣстными [1]).

Посидѣвъ дня 3—4 подъ арестомъ, Бѣлякевичъ одумался и радикально измѣнилъ свое первое показаніе. Вотъ что читаемъ въ показаніи подсудимаго Бѣлякевича, данномъ имъ 20-го августа судебному слѣдователю.

„Убѣдившись въ теченіе своей 4-хъ лѣтней священнической дѣятельности, что *на грубый простой народъ пастырскія слова увѣщанія не дѣйствуютъ* (курсивъ вездѣ нашъ), и съ другой стороны памятуя слова ап. Павла: animalis homo non percipit ea, quae sunt spiritus, — я позволилъ себѣ прибѣгнуть къ *физическимъ воздѣйствіямъ*, т. е. къ тѣлеснымъ наказаніямъ порочныхъ моихъ прихожанъ, желая тѣмъ самымъ показать имъ: 1) во сколько разъ сильнѣе будутъ для ихъ душъ мученія въ будущей жизни и 2) заставить ихъ смириться. Первый случай при-

[1]) Потомъ оказалось, что прошеніе это писано было подъ диктовку какихъ-то двухъ барынь однимъ трактирнымъ адвокатомъ, получившимъ отъ нихъ и вознагражденіе.

мѣненія этой мѣры былъ въ отношеніи проститутки изъ Риги (Симоновичъ), которая, будучи приведена родителями къ настоятелю Керповскому для увѣщанія, никакъ не хотѣла смириться, и на дѣлаемыя ей кс. Керповскимъ въ теченіе цѣлаго часа внушенія говорила: „нѣтъ уйду"; то-же она отвѣчала кс. Генису. Тогда сталъ увѣщевать я — при-чемъ кс. Керповскій и Генисъ *ушли въ свои квартиры, чтобы не быть свидѣтелями.* Причемъ я ударилъ ее, нѣсколько разъ"... Далѣе идетъ признаніе ксендза о томъ, какъ и кого онъ заключалъ въ склепъ подъ алтаремъ.

На вопросъ слѣдователя, пользовался-ли кто изъ предшественниковъ ксендза Бѣлякевича склепомъ для заключенія порочныхъ прихожанъ, подсудимый отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, но слыхалъ, что *давнымъ давно* кто-то изъ настоятелей помѣстилъ туда *во всемъ составѣ опоздавшую свадьбу.* О Бернатовичъ подсудимый теперь сообщилъ, что онъ самъ съ Беневичемъ привелъ ее изъ квартиры, увѣщевалъ оставить сводничество и на ночь помѣстилъ въ камору на замокъ, гдѣ заключенная пробыла до 11 ч. дня: «во время обѣдни въ ризницѣ она пролежала ницъ предъ алтаремъ, а потомъ снова отправлена была въ камору, и когда около 3-хъ часовъ дня мнѣ доложили, что Бернатовичъ буянитъ, кричитъ и ругается, я велѣлъ лакею Целестину привести ее ко мнѣ въ спальную, и здѣсь, когда была Бернатовичъ приведена, я взялъ веревку со шкафа, которая *мнѣ обыкновенно (!) служила для смиренія нѣкоторыхъ прихожанъ,*—разъ 10 ударилъ ее по плечамъ, предварительно снявъ платокъ, причемъ толкнулъ слегка рукой, и она, притворяясь, упала, послѣ чего я еще ее раза два—три ударилъ. Затѣмъ я приказалъ Бернатовичъ встать, сдѣлалъ словесное увѣщаніе и приказалъ стоять на колѣняхъ, а самъ отправился къ настоятелю въ общую столовую обѣдать, а послѣ обѣда повелъ Бернатовичъ къ вечернѣ, причемъ приказалъ ей лечь ницъ предъ алтаремъ. Послѣ вечерни вмѣстѣ съ нею и Беневичемъ я отправился за Жуковской».

О Жуковской Бѣлякевичъ, между прочимъ, показалъ, что когда она не хотѣла идти на лѣстницу и кричала, «онъ ударилъ ее *3—4 раза оливковой палочкой* толщиной въ палецъ, которая послѣ того еще болѣе растреснулась». Жуковская въ его присутствіи отведена была въ погребъ.

Столкнули-ли ее служители съ лѣстницы,—онъ не видѣлъ. Черезъ полчаса служитель Янковскій увѣдомилъ Бѣлякевича, что *онъ усмирилъ* Ж—скую, а когда Бѣлякевичъ гулялъ по двору, *кс. Керповскій сообщилъ ему, что Жуковская въ склепъ помѣщена;* Бѣлякевичъ удивился, какимъ образомъ она тамъ очутилась и приказалъ перевести ее въ комору.

Чертика велѣлъ Бѣлякевичъ положить въ коморѣ на полу *для большаго нравственнаго воздѣйствія* на Жуковскую... «Заключалъ я въ склепъ порочныхъ прихожанъ не страха ради, а чтобы навести ихъ на мысль о смерти и о тѣхъ мукахъ, которыя въ будущей жизни ждутъ грѣшниковъ. *О принимаемыхъ мною мѣрахъ было извѣстно всѣмъ прихожанамъ,* которые обращались съ просьбами объ исправленіи ихъ родственниковъ. *Это было извѣстно и о. настоятелю Керповскому...* До послѣдняго времени я два—три раза являлся на вечеринки и увѣщевалъ кутилъ (но безъ ногайки); но епископъ года полтора назадъ запретилъ мнѣ ходить по ночамъ»...

«Каноническими мѣрами исправленія должны быть молитва и постъ, за публичные грѣхи полагается и публичное покаяніе согласно изрѣченію: Pro publicis peccatis debet esse et publica penitentia in foro externo (за публичные грѣхи, открытые внѣ исповѣди, должно быть и публичное наказаніе для устраненія соблазна), — лежаніе крестомъ на полу».

Прежнее свое показаніе Бѣлякевичъ призналъ ложнымъ и заявилъ, что далъ его изъ чувства самосохраненія.

Мы намѣренно привели съ точностью оба показанія подсудимаго Бѣлякевича, какъ ярко характеризующія его нравственную личность и преступныя дѣянія. Прежде всего въ собственныхъ показаніяхъ ксендза находится подтвержденіе, что онъ дѣйствовалъ совсѣмъ не по горячности или увлеченію фанатизма,—а по системѣ, обдуманно. Онъ самъ откровенно указываетъ на мотивы и основанія своихъ поступковъ, при-чемъ цитатъ его изъ апостола Павла слишкомъ отдаетъ специфическимъ духомъ семинарскаго учебника. То тупое холодное чувство, съ какимъ ксендзъ-цѣлитель дѣйствовалъ при своеобразномъ исправленіи своихъ порочныхъ паціентовъ,—лучше всего характеризуетъ самъ Бѣлякевичъ. Систему его иначе нельзя

назвать, какъ *собачья дрессировка католическаго простонародья* (*быдла*). которое ксендзы, очевидно, считаютъ не выше скотовъ. И на самомъ дѣлѣ. вникните только въ эту возмущающую душу картину грубаго поруганія человѣческаго достоинства, какое проявилъ ксендзъ Бѣлякевичъ хотя бы въ отношеніи Бернатовичъ. Прежде всего насильственный вызовъ женщины подъ вліяніемъ угрозъ. А что Бѣлякевичъ властно угрожалъ и наводилъ на прихожанъ панику, это мы знаемъ изъ правдиваго спокойнаго свидѣтельства потерпѣвшаго Айкевича. Когда ксендзъ Бѣлякевичъ выпустилъ изъ заключенія Айкевича, то приказалъ ему немедленно же оставить сожительство съ Романовскою (православною) и уѣзжать въ Царь-поль, угрожая иначе *высылкою по этапу*. На возраженіе Айкевича, что онъ имѣетъ паспортъ и выслать его изъ мѣста осѣдлости безъ причины никто не въ правѣ, Бѣлякевичъ сказалъ: *а я имѣю силу* и, не смотря ни на что, отправлю тебя по этапу Повѣривъ, что пану ксендзу дѣйствительно дана такая власть, Айкевичъ на другой же день все бросаетъ и уѣзжаетъ въ Валки, гдѣ прожилъ 2 мѣсяца. Вернувшись въ Ковну, онъ услыхалъ въ народѣ упорную молву, поддерживаемую и распространяемую девотками. «что будто бы Б—чъ имѣетъ отъ Царицы бумагу, и что де этою бумагою Царица ему разрѣшила *все дѣлать съ народомъ, что онъ захочетъ*. При этомъ девотки утверждали, что онѣ сами видѣли эту бумагу».

Кромѣ Айкевича, и Бернатовичъ показала, также что, защищая руками свою грудь отъ ударовъ веревочки, она Бѣлякевичу грозила, что будетъ жаловаться Государынѣ за его жестокость. на это ксендзъ выражался о Высочайшей Особѣ Ея Величества въ высшей степени грубо и оскорбительно. Такое нахальное поведеніе ксендза наводитъ на многія грустныя размышленія и еще разъ свидѣтельствуетъ, что узурпаторская власть ксендзовскаго міра съ его нравами и мѣрами держитъ въ духовномъ страшномъ крѣпостничествѣ народную массу. Не былъ бы такъ дерзокъ и рѣшителенъ какой-то тамъ недалекій викарный ксендзъ, если бы онъ не чувствовалъ себя членомъ тѣсно сплоченной корпораціи и не имѣлъ бы за своими мѣрами традиціонной системы. Но обратимся къ картинѣ дрессированія Бернатовичъ, невольно набросанной яркими штрихами самимъ же Бѣлякевичемъ.

Бернатовичъ подъ страхомъ строгаго наказанія за ослу-

паніе является въ клебань, — здѣсь ее запираютъ какъ животное на замокъ, однако, выдержавъ болѣе полсутокъ, ее затѣмъ приводятъ въ храмъ, но не на молитву, а на публичное посрамленіе:—заставляютъ неподвижно лежать цѣлые часы ницъ «крыжемъ» на каменномъ полу костела по приказанію ксендза, и снова послѣ обѣдни запираютъ на замокъ. Бѣлякевичъ въ своемъ показаніи ни слова не говоритъ о пищѣ и питьѣ заключенной... Когда потерявшая терпѣніе, голодная и холодная Бернатовичъ начинаетъ неистово кричать и бушевать, ксендзъ требуетъ ее въ настоятельскіе покои, а отсюда ее приводятъ въ келью, путь въ которую лежитъ чрезъ общую столовую. Въ кельи пастырь одною рукою беретъ «веревочку»,—«которая, *обыкновенно*, какъ мило сознается Бѣлякевичъ, — служила ему для усмиренія прихожанъ» (точь-точь какъ у строгаго хозяина любителя собакъ или котовъ), а другою онъ снимаетъ съ плечъ платокъ и начинаетъ полосовать женскія плечи и грудь; сшибаетъ жертву съ ногъ (Бѣлякевичъ стыдливо замѣчаетъ, что де Б—вичъ притворилась!), снова стегаетъ, поднимаетъ, опять стегаетъ и въ заключеніе заставляетъ истерзанную стоять на колѣняхъ до инипоры, а самъ тѣмъ временемъ (даже рукъ не умывъ?) преспокойно идетъ въ столовую обѣдать въ сообществѣ съ достойными своими коллегами ксендзами Керповскимъ и Генисомъ.

Теперь спрашивается, неужели Бѣлякевичъ, придя за общую трапезу, не подѣлился съ своими соучастниками только—что совершеннымъ подвигомъ по части столь нелегкаго дрессированія этого animalis homo? — едва ли въ этомъ кто будетъ сомнѣваться. Можетъ быть, о. настоятель съ своей стороны за трапезой даже усугубилъ Бѣлякевичу въ награду за труды бдѣнные чару пѣннаго?.. Преспокойно откушавъ, Бѣлякевичъ ведетъ Бернатовичъ въ костелъ къ вечернѣ на новое порганіе (лежаніе) и только тогда уже отпускаетъ ее во свояси. И это развѣ не хладнокровіе, не система, а только случай!? Если бы Бѣлякевичъ былъ *выродокъ*, а *поступки его – увлеченіе, исключительное явленіе*,—то развѣ бы могъ мириться съ нимъ настоятель?

Старикъ Керповскій имѣлъ право и долгъ остановить молодого, увлекающагося ревностью не по разуму викарнаго ксендза на первомъ же подобномъ безобразномъ, безчеловѣчномъ подвигѣ. Однако Керповскій этого и самъ

не дѣлаетъ, и сосѣду епископу не доноситъ, хотя безъ сомнѣнія настоятель все зналъ, — это не разъ утверждаетъ и самъ Бѣлякевичъ. Припомните, какъ Бѣлякевичу, вышедшему вечеромъ на дворъ погулять (послѣ немалыхъ невинныхъ трудовъ по дрессировкѣ Бернатовичъ и Жуковской), сообщаетъ Керповскій, что Жуковская въ склепѣ, чѣмъ удивилъ самого Бѣлякевича. Почему, спрашивается, Керповскій это зналъ, ужь не самъ-ли онъ и распорядился отправить туда пьяную буянку? Или припомнимъ, какъ, по показанію одного свидѣтеля, однажды ксендзъ Генисъ сказалъ служителю, приведшему новую жертву,—что все занято, сажать болѣе некуда... Почему бы это знать Генису, если бы Бѣлякевичъ одинъ самовольно велъ эту систему исправленія порочныхъ прихожанъ?.. Очевидно, система Бѣлякевича интересовала и академика Гениса. Приставъ Ерасовъ заявляетъ въ своемъ показаніи, что онъ хорошо помнитъ, какъ растерявшійся Керповскій, необинуясь, объяснялъ прокурору и слѣдователю при первомъ осмотрѣ клебани, «что де въ склепъ сажаютъ прихожанъ на короткое время для исправленія». По показанію самого Бѣлякевича, настоятель и всѣ прихожане знали о его мѣрахъ исправленія порочныхъ и приводили для этого родныхъ. Въ другомъ мѣстѣ подсудимый откровенно заявляетъ, какъ Керповскій и Генисъ однажды ушли, «чтобы не быть свидѣтелями» того, какъ будетъ дѣйствовать ихъ коллега «кнутикомъ и веревочкой»... Можно ли думать послѣ всего этого, чтобы Керповскій не зналъ всѣхъ преступныхъ дѣяній своего викарнаго? Зналъ онъ ихъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ и радовался успѣху. Керповскій, Генисъ и Бѣлякевичъ—*люди одной школы, одного духа и воззрѣній.* Преступленіе Бѣлякевича — *общее ихъ дѣло,* одобряемое и попускаемое и не только ими, но и многими россійскими ксендзами. Насъ спрашиваютъ въ письмахъ изъ сѣверо-западнаго края, зналъ-ли о дѣяніяхъ Бѣлякевича епископъ Поллюенъ? Мы спросимъ въ свою очередь, *могъ ли* епископъ, живя рядомъ съ костеломъ, не знать и не слыхать того, о чемъ въ похвалу пастырю громко говорили въ католическомъ мірѣ Ковны, что знали и настоятель, и всѣ прихожане? Узналъ же епископъ о ночныхъ похожденіяхъ ревностнаго Бѣлякевича и благоразумно ему запретилъ ихъ, такъ-какъ экс-

курсіи эти могли окончиться для ретиваго пастыря и для католицизма скандаломъ. Но лучше послушаемъ, что самъ за себя говоритъ еп. Поллюенъ, по поводу дѣла Бѣлякевича.

На запросъ суда, Тельшевскій и Самогитскій Римско-Католическій Епископъ Поллюенъ, отъ 2 октября 1898 г. за № 1785, далъ такое заключеніе.

«Разсмотрѣвъ слѣдственное производство по обвиненію кс. А. Бѣлякевича въ самовольномъ лишеніи свободы съ истязаніями и мученіями нѣсколькихъ лицъ, даю мое мнѣніе.

Кс. Бѣлякевичъ, состоя викарнымъ здѣшняго приходскаго костела Св. Троицы, по пастырской своей дѣятельности увлекшись *чрезмѣрнымъ рвеніемъ* къ искорененію давно и быстро развивающейся среди его прихожанъ распутной жизни, прелюбодѣйныхъ связей, семейныхъ раздоровъ и пьянства, прибѣгнулъ въ послѣднее время, между прочимъ, и къ предосудительнымъ мѣрамъ физическаго воздѣйствія, вопреки уставамъ Рим. Кат. церкви.

Теперь (?) обнаружилось, что въ нѣсколькихъ случаяхъ внушенія кс. Бѣлякевича сопровождались побоями и кратковременнымъ заключеніемъ напутствуемыхъ (?)имъ прихожанъ въ костельномъ подвалѣ и сараѣ. Къ крайнему сожалѣнію, ни одно лицо изъ подвергшихся *этого рода напутствію и покаянію* не пожаловалось на это и не довело до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, чтобы оно имѣло возможность сейчасъ же, при первомъ случаѣ, прекратить *подобныя несообразности* (?). Мнѣ остается теперь отнестись съ строжайшимъ порицаніемъ и осужденіемъ подобныхъ пріемовъ дѣятельности священника и подвергнуть ксендза Бѣлякевича за все это заслуженному церковному наказанію.

Но, осуждая со справедливою строгостію приведенные поступки Бѣлякевича, какъ употребляемыя имъ средства воздѣйствія, нельзя, полагаю, забывать, что единственнымъ побужденіемъ, руководящимъ и этою предосудительною его дѣятельностью, было всетаки желаніе добра, стремленіе къ водворенію семейной правды и морали, и что даже въ этомъ его чрезмѣрномъ усердіи и неразумномъ увлеченіи совершенно отсутствовала сознательная злая воля. И вотъ въ виду всего этого, а также въ виду того, что какъ по намѣреніямъ дѣйствующаго нельзя здѣсь и предполагать жестокости и мученій, какъ и въ дѣйствительности оказались лишь побои легкаго свойства безъ поврежденія здоровья, и, наконецъ, что заключенія потерпѣвшихъ были кратковременны, съ своей стороны я полагаю, что нѣтъ основанія обвинять ксендза Бѣлякевича въ столь тяжкомъ преступленіи, на которое указываетъ слѣдственная власть. Ибо чтоже оставалось бы для рѣшительно закоренѣлой и злой воли человѣка, дышащей одною только злобой и жестокостью и устремленной единственно на причиненіе возможно большаго зла и вреда людямъ и обществу?

При этомъ считаю еще своимъ долгомъ сообщить обвинительной и судебной властямъ, что до этого прискорбнаго заблужденія ксендзъ Бѣлякевичъ отличался всегда добротою, нравственностью, добросовѣстностью, и большимъ усердіемъ при исполненіи возложенныхъ на него приходскихъ обязанностей, а равно засвидѣтельствовать, что прежняя его дѣятельность, исполненная безкорыстья и преданности духовнымъ интересамъ прихожанъ, приносила значительную пользу приходу: многіе случаи незаконнаго сожитія подъ вліяніемъ

ксендза Бѣлякевича узаконялись браками, многіе порочной жизни люди, благодаря его усердію, наставлялись на путь нравственнаго долга и христіанской жизни. Этимъ только и объясняется та всеобщая любовь къ нему и признательность здѣшнихъ прихожанъ, проявившіяся съ особенною силою въ настоящій тяжелый, несчастный моментъ его жизни. Но это болѣе свѣтлая сторона характера и дѣятельности ксендза Бѣлякевича осталась по дѣлу неизслѣдованною, между тѣмъ какъ и она, я полагаю, имѣетъ тоже важное значеніе для правильной въ этомъ дѣлѣ оцѣнки личности ксендза Бѣлякевича во всемъ ея «духовно-нравственномъ существѣ».

Е. Поллюенъ.

Какъ видитъ читатель, въ своемъ заключеніи, очень тонко составленномъ, епископъ Поллюенъ является «мужемъ съ двоящимися мыслями»: онъ сначала какъ будто и возмущается (но безъ желчи и негодованія, а такъ, для порядка) и относится съ порицаніемъ «къ мѣрамъ Бѣлякевича, какъ къ «несообразнымъ» съ уставами католической церкви, а затѣмъ умиляется предъ пастырскою ревностью и нравственною высотою личности Бѣлякевича, осчастливившаго своими «несообразными» мѣрами многія семейства. Въ общемъ, похвалы по адресу Бѣлякевича такъ много, что епископское заключеніе въ сущности есть *апологія* Бѣлякевича и его системы успѣшнаго исправленія порочныхъ, а равно и іезуитскаго догмата, что цѣль оправдываетъ средства.

Если еп. Поллюенъ, дѣйствительно, возмущается «неразумнымъ увлеченіемъ» Бѣлякевича, искренно сожалѣетъ, что никто ему во время не далъ знать о дѣйствіяхъ Бѣлякевича, и если мѣры исправленія запрещаются уставами католической церкви, то самое первое серьезное церковно-административное взысканіе должно бы постигнуть настоятеля Керповскаго, безъ воли и разрѣшенія котораго, по инструкціи, ничего его викарные ксендзы не могутъ предпринимать; кромѣ того, Керповскій обязанъ былъ немедленно донести своему епископу о столь грубомъ нарушеніи своимъ викарнымъ уставовъ церкви.

Но, сколько намъ извѣстно, Керповскій никакого взысканія не понесъ,—онъ благодушно настоятельствуетъ все въ той же Ковнѣ. Отсюда не ясно-ли, что мѣры о. Бѣлякевича и его поступки далеко не преступны съ точки зрѣнія епархіальной власти католицизма.

VI.

Судъ надъ Бѣлякевичемъ.

Въ виду той страстной атмосферы, какая создалась въ Ковнѣ около дѣла ксендза Бѣлякевича, процессъ этотъ, по распоряженію г. министра юстиціи, какъ замѣчено выше, перенесенъ былъ въ С.-Петербургскій окружный судъ и назначенъ слушаніемъ съ присяжными засѣдателями на 8 февраля 1899 г. Въ составъ коронныхъ судей вошли: предсѣдатель столичнаго окружнаго суда г. Бобрищевъ-Пушкинъ и члены г.г. Кукинъ и Чудиновъ. Обвинялъ товарищъ прокурора г. Носовичъ, защитниковъ у подсудимаго было три — вышеупомянутые столичные адвокаты г.г. Спасовичъ и Андріевскій и третій—(безъ рѣчей) пр. повѣр. изъ Ковны.

Составъ присяжныхъ въ эту сессію оказался весьма разнообразнымъ по образованію, профессіямъ и даже по исповѣданію г г. засѣдателей: такъ 1 былъ старообрядецъ, 1 лютеранинъ (были въ сессіи два католика, но они сами уклонились отъ этого тяжелаго для ихъ совѣсти дѣла). По *профессіямъ*—докторъ, инженеръ-технологъ, офицеръ, три чиновника, учитель духовнаго училища, остальные—купцы и ремесленники. Съ этой стороны, какъ очевидно, подсудимый Бѣлякевичъ былъ гарантированъ отъ односторонности и предвзятости взглядовъ присяжныхъ на его дѣянія. А потому, вынесенный ему присяжными обвинительный вередиктъ является плодомъ убѣжденія совѣсти людей совершенно разныхъ положеній.

Обвиненіе къ Бѣлякевичу было предъявлено по 1540 и 1542 ст. Улож. о наказ. въ томъ, что онъ самовольно и насильственно лишилъ свободы при костелѣ св. Троицы 8 лицъ, при-чемъ лишеніе это сопровождалъ для нихъ физическими и нравственными мученіями, а именно: лишеніемъ пищи, помѣщеніемъ въ темные, сырые склепы и погреба, нанесеніемъ многочисленныхъ ударовъ веревкой, плетью и палкой.

При началѣ разбора дѣла залъ окружнаго столичнаго суда представлялъ собою рѣдкое зрѣлище. На эстрадѣ мѣста за судьями заняты были высшими представителями

министерства юстиціи, во главѣ съ г. министромъ Н. В. Муравьевымъ, сенаторами, членами государственнаго совѣта. Мѣста для публики всѣ были заняты командированными разными вѣдомствами представителями [1]) и многочисленною корпораціей судебнаго вѣдомства; по ходатайству подсудимаго, допущены были столичныхъ католическихъ церквей настоятели, а также попечитель ковенскаго Свято-Троицкаго костела князь Огинскій и друг. Корридоры суда были наполнены публикой,—главнымъ образомъ дамами. Входъ публикѣ былъ возбраненъ въ залу, такъ какъ слушаніе дѣла должно было состояться при закрытыхъ дверяхъ. Однако, многія изъ дамъ-католичекъ, во все время разбирательства, не оставляли своего дежурства въ корридорѣ суда. Всѣ эти почитательницы подсудимаго были одѣты въ глубокій трауръ и постоянно отирали слезы. Это были главнымъ образомъ ковенскія девотки. Разбирательство дѣла заняло три дня. Свидѣтелей было вызвано до 50 душъ, въ томъ числѣ были всѣ потерпѣвшіе отъ пастырской ревности Бѣлякевича, а также его сподвижники—костельные служители, сотоварищи—два молодыхъ ксендза, но настоятель Керповскій счелъ болѣе благоразумнымъ уклониться, за болѣзнью и старостью отъ явки въ судъ.

Тяжелую и, кажется, еще небывалую въ лѣтописяхъ новаго суда картину представляла собою скамья подсудимыхъ, когда появился на ней обвиняемый ксендзъ Бѣлякевичъ, сопровождаемый конвоемъ двухъ солдатъ. Бѣлякевичъ былъ одѣтъ въ католическую сутану, въ правой рукѣ держалъ католическій молитвословъ. Взоры всѣхъ были устремлены на героя, всей Россіи извѣстной, ковенской исторіи Но зрители въ своемъ любопытствѣ и ожиданіяхъ были разочарованы. Внѣшность и дальнѣйшее поведеніе на судѣ подсудимаго ничего героическаго не представляли. Бѣлякевичъ представлялъ собою заурядный типъ угловатаго, малоразвитого, нѣсколько напыщеннаго бурсака, твердо зазубрившаго уроки учебниковъ и буквально усвоившаго читанное. Ничего въ немъ не было одухотвореннаго, идейнаго, творческаго, нервнаго. Его, повидимому, не особенно волновалъ и такой трагическій въ его жизни актъ,

---

[1]) Отъ вѣдомства Св. Синода былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій при г. синодальномъ оберъ-прокурорѣ В. М. Скворцовъ.

какъ судебный процессъ. Только въ часы совѣщанія присяжныхъ Бѣлякевичъ, повидимому, проникся важностью минуты, но и здѣсь не пошелъ дальше избитыхъ формъ своего ритуала. Онъ распростерся «крыжемъ»...

Не считая себя въ правѣ давать подробный отчетъ о настоящемъ процессѣ, мы ограничимся лишь сущностью дѣла.

Г. Прокуроръ въ своей рѣчи назвалъ это дѣло печальнымъ по своему существу и труднымъ въ судебномъ отношеніи, такъ какъ слишкомъ много въ немъ неправды:— во всемъ и у всѣхъ, у свидѣтелей и у потерпѣвшихъ, видна одна цѣль, слышна одна просьба и мольба— «покрыть это дѣло туманомъ». И дѣйствительно, грустную картину представляла на судѣ эта защита христіанскаго пастыря пасомыми путемъ клятвопреступленій. Даже юная свидѣтельница Ненартовичъ,—еще совсѣмъ неразвившаяся миловидная дѣвочка, и та, ради обѣленія Бѣлякевича, имѣла силы публично, на судѣ, взвести на себя тяжкое обвиненіе, что будто она дѣйствительно находилась въ связи съ евреемъ, который явился на судѣ какимъ-то чудовищемъ-идіотомъ, грязнымъ оборванцемъ, съ которымъ никто изъ свидѣтелей рядомъ въ залѣ суда не рѣшался ни сидѣть, ни стоять Связь эта,—какъ для всѣхъ было ясно, прямо противоестественна и невозможна.

Поведеніе свидѣтелей еще разъ подтверждаетъ, въ какомъ духовномъ закрѣпощеніи находится темная католическая масса у хитрыхъ и властныхъ ксендзовъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ страха и матеріальнаго гнета. Обращаясь къ впечатлѣніямъ отъ рѣчи талантливаго обвинителя, мы должны сказать, что она производила прекрасное впечатлѣніе чувствомъ мѣрности Не отягчая вины подсудимаго политическими подозрѣніями, оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ каноническіе мотивы, обвинитель всецѣло стоялъ на почвѣ нравственной стороны дѣла. Не одѣвая его въ тогу фанатика, прокуроръ видѣлъ въ преступныхъ дѣяніяхъ Бѣлякевича исторію нравственнаго паденія христіанскаго пастыря, который, отбросивъ Крестъ и Евангеліе, взялъ въ руки плеть, пока на этомъ опасномъ пути не дошелъ до того, что сдѣлался палачемъ. Мотивомъ-же былъ извѣстный девизъ: цѣль оправдываетъ средства, увлеченіе на почвѣ личнаго самолюбія, властолюбія и популярности. На толпу труднѣе дѣйствовать средствами

духовными, чѣмъ орудіемъ насилія. Символъ ненависти-плеть—толпѣ понятнѣе, чѣмъ Евангеліе и Крестъ, какъ символъ мира и любви. Яркою и трогательною была въ рѣчи картина контраста въ отношеніяхъ Бѣлякевича къ блудницѣ Симоновичъ и Христа Спасителя къ ятой фарисеями въ любодѣяніи женщинѣ.

Сущность рѣчей защиты предстаставляется въ такомъ видѣ. — Первый изъ защитниковъ — В. И. Спасовичъ — говорилъ *къ уму* присяжныхъ, второй — Андріевскій — *къ сердцу*. Защита соглашается съ прокуроромъ, что дѣло это *печальное* вообще и для защиты въ особенности: такъ какъ въ дѣлѣ есть все для квалификаціи преступленія, не исключая и признанія подсудимымъ своей виновности. Но защита не ожидала, что обвинительная власть укажетъ одни только минусы и ни одного плюса,—не усмотритъ ничего свѣтлаго, смягчающаго въ дѣяніяхъ и личности подсудимаго. Въ числѣ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ защитникомъ между прочимъ приведены слѣдующія главныя соображенія. Подсудимый ксендзъ Бѣлякевичъ 23 лѣтъ посвященъ въ священники католической церкви,—3 года состоялъ на службѣ,—слѣдовательно, практика у него была небольшая, а потому, естественно, онъ, при своей пламенной ревности объ исполненіи пастырскихъ обязанностей, увлекся и началъ примѣнять несообразныя мѣры физическаго воздѣйствія въ отношеніи порочныхъ своихъ прихожанъ. Бѣлякевичъ ревностно выступилъ на борьбу съ пороками паствы, будучи человѣкомъ строгой нравственности: ибо самъ онъ ни чревоугодникъ, ни корыстолюбецъ, ни пьяница. Нельзя не уважать въ немъ ревности къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Будучи человѣкомъ не высокаго полета по своему образованію и происхожденію изъ крестьянской среды, сдѣлавшись священникомъ, Бѣлякевичъ встрѣтилъ въ приходѣ содомъ преступленій, съ которыми и вступилъ въ небезплодную борьбу. Бѣлякевичъ стремился искоренить одинъ изъ распространенныхъ видовъ гнуснаго мошенничества—это выманиваніе безчестными женихами и свахами, подъ видомъ приданаго, всего состоянія невѣстъ, а иногда и невинности; боролся съ алкоголизмомъ, съ этою цѣлью смѣло шелъ на вечеринки кутилъ, гдѣ чиспровергалъ бутылки съ виномъ, за которыя тутъ же

платилъ собственныя деньги... Бѣлякевичъ былъ одинокъ въ своемъ дѣлѣ и его во время никто не сдержалъ, новый настоятель Карповскій относился безучастно.

Въ католической и въ другихъ христіанскихъ церквахъ существуетъ одно сильное духовное средство—это покаяніе и *епитиміи*, которыя духовникъ можетъ налагать на пасомыхъ, и на это не можетъ быть никакой апелляціи, — такъ, напримѣръ, духовники заставляютъ лежать крестомъ (крыжемъ), цѣловать землю, исполнять поклоны и проч.

Какъ правительству смотрѣть на мѣры церковной дисциплины? Безъ сомнѣнія, оно не можетъ относиться безразлично къ тому, чтобы авторитетъ церкви, какъ одного изъ важнѣйшихъ органовъ въ духовной жизни общества и народа, не уважался или подрывался.

Въ приходской средѣ нужно различать *два слоя* вѣрующихъ: одинъ—образованный классъ, который набоженъ по своему, который понимаетъ и проникнутъ въ своей религіозности началами вѣротерпимости, христіанской гуманности;—иначе смотритъ на вещи народъ, нижній слой церкви.

Тѣ мѣры, кои воздѣйствуютъ на совѣсть высшаго класса, поднимаются на смѣхъ въ грубой народной средѣ. Какъ было тутъ поступать молодому, ревностному пастырю? Высшіе слои современнаго общества по своему интеллектуальному и культурному уровню живутъ, дѣйствительно, въ XIX в., а нѣкоторые только въ XVI вступаютъ, эти же паціенты Бѣлякевича и въ XIV в. едва еще вошли. Религіозный долгъ долженъ быть исполняемъ безъ принужденія, свободно, по совѣсти, въ этомъ его значеніе и заслуга предъ Богомъ. Но этого рода религіозность чужда темному народу, который любитъ власть твердую, какъ церковную, такъ и свѣтскую; народъ любилъ Бѣлякевича какъ такого именно пастыря и не тяготился его строгими мѣрами воздѣйствія. Не надо забывать, что Бѣлякевичъ воспитанникъ духовной семинаріи; а всѣ знаютъ, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дается одностороннее направленіе; уму и сердцу питомцевъ ея — чужды широкія понятія о вѣротерпимости и гуманности Кромѣ того, физическое, принудительное воздѣйствіе. какъ воспитательная мѣра, имѣетъ свои традиціи и въ исторіи государственной нашей жизни... Времена, конечно, измѣнились, прежнихъ наказаній не существуетъ, законы и нравы

смягчены, но идея осталась и живетъ въ сознаніи о пользѣ физическаго воздѣйствія не у однихъ только Бѣлякевичей.

Мѣръ этихъ, конечно, не слѣдовало бы употреблять духовному лицу. Но есть власть, напр. родительская, которой и законъ предоставляетъ право употреблять мѣры домашняго исправленія, заключенія и лишенія свободы. Лишеніе свободы не всегда имѣетъ характеръ преступленія, когда напр. оно добровольно. Временное заключеніе, какъ административная мѣра, въ порядкѣ вещей. При этомъ, Бѣлякевичъ дѣлалъ это едвали не съ вѣдома мѣстнаго ближайшаго начальства. Несомнѣнно, существовало ранѣе взаимодѣйствіе между мѣстной свѣтской полицейской властію и церковной, если сама полиція помогала ксендзу приводить къ нему на исправленіе преступныхъ прихожанъ; такъ напримѣръ Симоновичъ розыскана была по приказу полицеймейстера. Этому порядку вещей лишь недавно былъ положенъ конецъ циркуляромъ мѣстнаго губернатора. Нельзя, конечно, поддерживать эту систему о содѣйствіи полиціи пастырской дѣятельности духовныхъ отцовъ. Но въ тоже время нельзя не указать *на безусловную вѣрность того положенія, что есть среда и люди, гдѣ одними словами дѣйствовать, дѣйствительно, невозможно, и увѣщанія являются лишь пустыми звуками.* Люди живущіе при всѣхъ благахъ столичныхъ и просвѣщенныхъ центровъ могутъ не понять тѣхъ условій, среди которыхъ живутъ и дѣйствуютъ такіе дѣятели, какъ Бѣлякевичъ...

Свобода и неприкосновенность личности, конечно, великія блага цивилизаціи и культуры нашего вѣка. Святость ихъ должна быть строго ограждаема законами и властью. Но есть же случаи, кои и законъ предусматриваетъ не какъ преступныя дѣйствія, таково, напримѣръ, заключеніе для вытрезвленія; такимъ является въ дѣлѣ случай Мицхайсолъ, котораго пьянаго заключилъ ксендзъ Бѣлякевичъ въ сарай и выучилъ молиться.

Останавливаясь «на декоративной части процесса», — на осквернении склепа, мрачности мѣстъ заключенія, головы діавола, защитникъ не видитъ тутъ ничего особенно преступнаго: образъ и напоминаніе о смерти вездѣ въ церквахъ въ широкомъ употребленіи, и тутъ Бѣлякевичъ проявилъ себя лишь послѣдовательнымъ церковникомъ. Голова упраздненнаго еще въ 1632 г. черта, у которой и зубы

уже вышиблены, защита считаетъ «привязкою къ процессу». не имѣющей никакого значенія.

Бѣлякевичъ морилъ своихъ кліентовъ голодомъ—ѣсть не давалъ заключеннымъ, но онъ вѣдь и самъ не чревоугодникъ и руководится правиломъ ѣсть настолько, чтобы жить. Онъ человѣкъ нестяжательный, у него ничего нѣтъ, а жалованья получаетъ только 200 руб. Наконецъ, Бѣлякевичъ самъ на содержаніи настоятеля: что послѣдній посылалъ, то и давалось исправляемымъ.

Опытъ исправленія Симоновичъ превосходный, тонковъ психологическомъ отношеніи расчитанная мѣра. Падшая дѣвица послѣ плетей и заключенія переродилась, выучилась молиться. Въ ней добрыя начала были придавлены, скрыты, а Бѣлякевичъ ихъ поднялъ и она держится доселѣ на нравственной высотѣ и благодаритъ своего духовнаго отца, какъ благодѣтеля. Бѣлякевичу право наказанія ея и власть предоставили родители, а по 165 ст. Улож. о наказ. родители могутъ испрявлять дѣтей мѣрами домашними.

Есть идеалисты, которые говорятъ, что черезъ 1000 лѣтъ культура человѣчества такъ возвысится, что люди будутъ жить безъ судовъ, но этого никогда на будетъ и человѣческое общество безъ уголовныхъ законовъ и карательныхъ мѣръ физическаго принудительнаго воздѣйствія въ отношеніи преступниковъ никогда не можетъ обойтись. «Я боюсь показаться (говорилъ защитникъ) отсталымъ, но, право, *розга*, какъ педагогическая воспитательная мѣра во время и въ мѣру примѣняемая, имѣетъ свое благотворное отрезвляющее вліяніе на человѣка, съ слабою или распущенною волею, какъ, напримѣръ, выстрѣлъ на бунтующую толпу».

Всѣ уголовные наши законы въ существѣ ведутъ къ тѣмъ же мѣрамъ. Побои Бернатовичъ нанесены ксендзомъ въ запальчивости, такъ какъ она раздражила Бѣлякевича, а Жуковскую избили другіе. Въ заключеніе защитникъ доказывалъ, что въ дѣяніяхъ Бѣлякевича нѣтъ состава уголовнаго преступленія, а есть только превышеніе власти, проступки по службѣ. Такова въ сущности рѣчь г. Спасовича.

Главныя положенія другой рѣчи защиты были вкратцѣ слѣдующія:

„Я поведу васъ за кулисы защиты,—такъ приблизи-

тельно начиналась вторая рѣчь.—Мой почтенный сотоварищъ по защитѣ, приглашая къ сотрудничеству въ настоящемъ процессѣ,—сказалъ:—я буду разумъ, вы сердце, въ дѣлѣ защиты.

Извѣстно, что сердце побѣждаетъ разумъ тѣмъ, что сердце всегда идетъ далѣе ума. Оно самый высшій органъ. На университетскихъ лекціяхъ богословія насъ учили, что ни разумъ, ни совѣсть не могутъ быть чистыми источниками боговѣдѣнія и находиться въ общеніи съ Божествомъ, а только одно сердце. (Здѣсь былъ приведенъ цитатъ изъ катихизиса Филарета.)

Въ судахъ царствуетъ правда и милость, — послѣднее есть достояніе сердца.

Разбирая это дѣло подъ руководствомъ сердца, я пойду далѣе, чѣмъ мой предшественникъ по защитѣ...

Если окинуть общимъ безпристрастнымъ взоромъ все это дѣло, то въ результатѣ получимъ картину процесса совсѣмъ *неважнаго*, не серьезнаго, въ которомъ слишкомъ много прикрасъ, тенденціозности...

Г. Прокуроръ говоритъ о главной потерпѣвшей Симоновичъ, по поводу ея словъ: „мнѣ здѣсь хорошо“, что это была улыбка страданія. Непонятно, какимъ образомъ, эта простая дѣвушка можетъ имѣть такія возвышенныя мысли и мелодраматическія чувства. Этой сантиментальной психологіи не понятнѣе ли будетъ то объясненіе, что послѣ позорной кровати, на которой падшая Симоновичъ продавала всякому свое грѣшное тѣло, теперь здѣсь, подъ сѣнью храма, близъ мощей святыхъ, — ей дѣйствительно было хорошо, ей пріятна была эта новая, давно забытая атмосфера.

Бѣлякевичъ превосходно разсчиталъ психологически воздѣйствія на душу закорѣнелой, но молодой грѣшницы; его мѣра—*героическая*...

Остальные потерпѣвшіе были сравнительно съ этой такія закаленыя въ грѣхахъ матроны, что на нихъ мѣры Бѣлякевича не могли производить никакого потрясающаго впечатлѣнія.

Голова діавола валялась на дворѣ, ею дѣти играли; могли-ли испугаться этого заштатнаго черта такіе люди, какъ Бернатовичъ и Жуковская.

Прокуроръ, чтобы нарисовать мрачнѣе картину мни-

мыхъ ужасовъ, останавливалъ ваше вниманіе на испражненіяхъ въ подвалахъ подъ костеломъ. Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, когда подвалы не запирались и туда могъ зайти всякій при крайней нуждѣ... Кто всходилъ на крышу Миланскаго чуднаго собора, тотъ знаетъ, какъ и тамъ не трудно испачкаться въ человѣческихъ испражненіяхъ. Знаменитыя статуи и наши соборы всѣ въ птичьихъ пометахъ. Такъ, на землѣ самыя великія вещи страдаютъ отъ земной нечистоты.

Распутныя пьяныя женщины гораздо большее истязаніе выносятъ въ мѣстахъ вытрезвленія. Но тамъ вѣдь волостное правленіе! а здѣсь, — помилуйте,—христіанскій пастырь! Нѣтъ, это дѣло потому и возведено въ громкое, что оно либерально.

Бѣлякевичъ, — этотъ почтенный христіанскій пастырь изъ народной среды, онъ изъ нея вышелъ и тѣмъ онъ хорошъ, что не возвысился надъ паствою своими религіозными воззрѣніями. Онъ, задалъ себѣ и пасомымъ великій вопросъ: есть ли Богъ? И отвѣтилъ изъ глубины сердца съ простой горячей *вѣрой: да есть* Богъ, слѣдовательно, есть и вѣчность, есть муки, рай и адъ. И пастырь беззавѣтно отдаетъ себя на служеніе спасенію ближнихъ, на искорененіе пороковъ и грѣховъ. Если бы Бѣлякевичъ былъ изъ того разряда пастырей, кто только и знаетъ, что въ широкіе (?) свои карманы отсылаетъ мѣдные пятаки и серебряныя монеты, то онъ бы не дѣлалъ того, что привело его сюда на скамью подсудимыхъ.

Католическая Церковь основана ап. Петромъ, у котораго ключи рая, у нея есть такое же, какъ и у насъ въ православной Церкви, священноначаліе—іерархія. (По катихизису Филарета читается далѣе опредѣленіе таинстваСвященства.) Св. ап. Петръ даровалъ эту благодать священства первому ей Римскому Лину и та самая *неподложная* благодать находится *на челѣ* подсудимаго. Онъ могъ бы и сейчасъ преподать разрѣшеніе грѣховъ, если бы кто изъ насъ, будучи католикомъ, потребовалъ отъ него разрѣшенія грѣховъ и напутствія. Бѣлякевичъ добрый пастырь, онъ помнилъ своихъ овецъ, съѣдаемыхъ волками, онъ болѣлъ душою за нихъ и самъ бросился на спасеніе погибающихъ и къ нему шли они за помощью. Онъ ежедневно былъ осаждаемъ до изнеможенія и усталости и нѣтъ ни-

чего удивительнаго, если раздражался и иногда въ гнѣвѣ примѣнялъ мѣры несообразныя. Можетъ же раздражаться въ больницѣ врачъ при наплывѣ больныхъ, и утомленный учитель бьетъ же по загривку учениковъ?..

Бѣлякевичъ дѣйствовалъ въ средѣ отъявленныхъ грѣшниковъ: кто Бога не боится, убоится ли онъ церковныхъ законовъ? Есть среда и люди, гдѣ не всегда увѣщанія словесныя могутъ воздѣйствовать и въ дѣйствительности остаются пустыми звуками. Вотъ въ отношеніи такихъ-то и примѣняетъ Бѣлякевичъ мѣры кратковременнаго помѣщенія ихъ подъ своды святынь храма. Онъ дѣйствуетъ какъ любящій отецъ, въ отношеніи своихъ заблудшихъ дѣтей. Онъ ратовалъ за Бога. Но Бога никтоже видѣ нигдѣ же, и Онъ незримый—не явится сюда, чтобы засвидѣтельствовать невиновность своего вѣрнаго служителя. Утверждаютъ, что Б—чъ причинялъ страданія, что онъ палачъ, а не пастырь; но кто же болшія причиняетъ страданія и мученія, какъ не хирурги. Иной паціентъ готовъ убить врача, въ моментъ операціи кричитъ и мучится подъ хлороформомъ даже, а послѣ, когда наступаетъ исцѣленіе отъ недуга, онъ готовъ ноги цѣловать своего спасителя... Таже картина и здѣсь. Все дѣло въ цѣли. Чтобы судить о тѣхъ страданіяхъ, какія Б—чъ причинялъ потерпѣвшимъ, нужно прежде принять во вниманіе и то, отъ какихъ мученій пастырь этотъ избавлялъ своихъ порочныхъ пасомыхъ въ будущемъ, а для этого нужно поднять завѣсу ада и вѣчнаго огня геенскаго. Вотъ отъ чего онъ ихъ избавилъ.

Болѣе образованный и развитой пастырь, какъ ксендзъ Генисъ, видитъ самоуправство, превышеніе власти, но Бѣлякевичъ смотритъ глазами народа. За грѣхи Богъ наказалъ людей потопомъ, Моисею Богъ являлся въ громѣ и молніи. Спаситель бичемъ изъ храма выгналъ торгующихъ, и небеса сіяютъ не безъ грома.

Всѣ пасомые высоко цѣнили мѣры и личность Бѣлякевича; подчинялись охотно и свободно власти пастыря своего, и никто никогда не думалъ видѣть ни самоуправства, ни оскорбленія, ни мученій. Но ксендзъ Бѣлякевичъ нарвался на Бернатовичъ. Она, будучи такъ задолжена предъ Богомъ, что давно махнула рукою на будущую жизнь, и жила для благъ земной жизни, прошла школу

скепсиса религіознаго, не имѣла той простой вѣры, которую исповѣдывалъ самъ Бѣлякевичъ.

Подсудимый по 1117 ст. подлежитъ суду духовному. Въ дѣлѣ не видно истязаній; тутъ есть только не болѣе, какъ побои, т. е. преступленія предусмотрѣнныя Уст. о Мир. Суд., о чемъ говоритъ мудрое заключеніе еп. Поллюліена.

Нельзя смотрѣть на Бѣлякевича, какъ на злоумышленника, онъ стремился къ спасенію душъ ближнихъ, своихъ духовныхъ дѣтей. Онъ былъ строгъ къ себѣ и къ другимъ; никакихъ ни самъ не допускалъ увлеченій, не прощалъ ихъ и другимъ. Кто изъ васъ чище по своей душѣ, чтобы рѣшиться осудить этого ревностнаго служителя алтаря Господня? Онъ ратовалъ за Бога, онъ страдалъ о грѣхахъ своей паствы и за это онъ преступникъ? Удалитесь отъ той страстной атмосферы, какъ борьба съ католицизмомъ. Дѣло это имѣетъ общецерковный, а не обывательскій характеръ. Проникнитесь тѣмъ сознаніемъ, что этотъ монахъ не виновенъ предъ обществомъ и нами» и проч.

Суть рѣчей защиты по дѣлу Бѣлякевича слишкомъ ясна, чтобы комментировать ихъ. Одно можно сказать, что изъ устъ либеральной адвокатуры едва ли это не въ первый разъ слышатся такіе консервативные взгляды, въ которыхъ среди фарисейства несомнѣнно много реальной правды. Но вотъ вопросъ: «чтобъ сказали вы, друзья, когда бы сдѣлалъ это я»? Сколько бы ушатовъ грязнаго словоблудія вылито было по адресу православнаго духовенства православными по метрикѣ россійскими либералами, если бы хоть что либо подобное дѣяніямъ Бѣлякевича совершилъ нашъ православный священникъ! Достаточно припомнить гвалтъ либеральныхъ органовъ нашей печати по поводу мнѣнія съѣзда миссіонерства о отобраніи дѣтей сектантовъ для воспитанія ихъ въ пріютахъ. Какъ недавно печать казнила одного православнаго миссіонера, не подавшаго руки на публичномъ собесѣдованіи своему оппоненту-раскольнику?

Судомъ Бѣлякевичъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и къ ссылкѣ на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякихъ отлучекъ изъ мѣста жительства въ теченіе 2 лѣтъ, а затѣмъ выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіи 8 лѣтъ. По Высочайшему повелѣнію мѣра эта смяг-

чена замѣною Иркутской губерніи Архангельскою, гдѣ теперь и обитаетъ Бѣлякевичъ. Такова фактическая сторона дѣла ксендза Бѣлякевича. Теперь обратимся къ канонической.

VII.

Каноническая сторона дѣла.

Изученіе фактической стороны процесса и личности Бѣлякевича приводятъ насъ къ слѣдующимъ соображеніямъ и выводамъ по настоящему дѣлу вообще и въ частности—относительно канонической точки зрѣнія на него.

Ксендзъ Бѣлякевичъ совсѣмъ не былъ какимъ-либо выродкомъ въ средѣ современнаго польско-католическаго пастырства, исключительнымъ фанатикомъ или человѣкомъ жестокаго свирѣпаго нрава, а потому и осужденныя законами Имперіи дѣянія его отнюдь не плодъ личнаго фанатизма или изобрѣтательности обвиненнаго, а наоборотъ—продуктъ системы католическаго пастырскаго богословія и не потерявшихъ еще доселѣ руководящаго для питомца католическихъ школъ и клириковъ значенія каноническихъ трактатовъ католическихъ богослововъ.

Ксендзъ Бѣлякевичъ—такой же фанатикъ, какъ и всякій польскій ксендзъ,—никакъ не болѣе. Въ личномъ характерѣ и въ дѣйствіяхъ его мы именно не находимъ тѣхъ типичныхъ чертъ, какими характеризуется фанатизмъ, какъ болѣзненное чувство. Фанатизмъ, какъ извѣстно, есть крайнее усиленіе религіознаго чувства, доходящее до экстаза,—усиленіе въ ущербъ другимъ всѣмъ, и особенно умственнымъ, интересамъ. Въ фанатическихъ дѣйствіяхъ всегда наблюдается нервное, экзальтированное настроеніе духа, чувствуется самоотверженное горѣніе души, а главное сердца, ради извѣстной идеи,—ничего этого не видимъ мы ни въ характерѣ Бѣлякевича, ни въ его дѣяніяхъ. Мы указывали, какъ холодно, размѣренно, точно по старинному рецепту, или по указкѣ, ведетъ онъ свою *дрессировку* порочныхъ людей—скотовъ, какъ клоунъ въ циркѣ. Самъ Бѣлякевичъ слишкомъ молодъ,—онъ совсѣмъ не имѣлъ самостоятельной пастырской практики,—чтобы придти къ такому пессимистическому заключенію, «что на грубый простой народъ пастырскія увѣщанія не дѣйствуютъ».—

Мы изъ дѣла видимъ, что онъ и не упражнялся въ увѣщаніяхъ, — а болѣе утруждалъ себя «веревочкой», чѣмъ словами. Нѣтъ, Б—чъ безхитростно усвоилъ себѣ въ семинаріи, какъ девизъ пастырской дѣятельности,—animalis homo non percepit ea quae sunt spiritus,—а въ комментаріяхъ католическихъ канонистовъ учился о пользѣ для души мѣръ физическаго воздѣйствія, какъ единственно убѣдительнаго способа доказать силу адскихъ мученій,—позаимствовался также изъ живыхъ и еще недавнихъ преданій и опытовъ о спасительности «для быдла и смерда» плети и розги—и, при первой же возможности, какъ только временно назначенъ былъ исполнять обязанности настоятеля, за смертію ксендза Вороновича,—началъ, не мудрствуя лукаво, какъ человѣкъ недалекій и прямолинейный,—открыто примѣнять на практикѣ теорію и систему, которую другіе его коллеги тоже проводятъ, но, вѣроятно, осторожнѣе, хитрѣе.

Нѣтъ основаній относить истязанія, чинимыя ксендзомъ Бѣлякевичемъ своимъ паціентамъ, на счетъ личной жестокости. Въ другихъ случаяхъ и вообще Бѣлякевичъ совсѣмъ—не звѣрь, а наоборотъ, человѣкъ очень добрый, отзывчивый: онъ все роздаетъ, входитъ въ нужды и скорби семьи, его любятъ и чуть не боготворятъ прихожане.

Что Бѣлякевичъ не *повшество* ввелъ въ пастырскую практику, это ясно изъ отношеній къ его исправительной системѣ дѣйствій со стороны настоятеля, старца Керповскаго, котораго Бѣлякевичъ въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ, данныхъ въ тюрьмѣ, т. е. послѣ освобожденія отъ вліянія Керповскаго,—выдаетъ какъ соучастника. Развѣ могли бы такъ равнодушно, спокойно созерцать въ православномъ клирѣ такого пастыря – исправителя, какъ Бѣлякевичъ. Да объ этомъ послѣ перваго же опыта затрубила бы вся округа,—сто жалобъ полетѣли бы къ епархіальному и свѣтскому начальству. Ничего подобнаго не случилось съ Бѣлякевичемъ. Темная, духовно закрѣпощенная масса забита, ей и въ голову не могла придти мысль, что ксендзъ самоуправствуетъ, не имѣетъ права на подобныя дѣянія. А потому, пасомые противорѣчить боятся, садятся въ заключеніе безъ протеста, переносятъ побои, несутъ иго и бремя, какъ должное. Не сталъ бы и самъ Бѣлякевичъ такъ развязно направо и налѣво дѣйствовать своей «веровочкой и палочкой», такъ властно грозить эта-

помъ. Бѣлякевичъ именно былъ наивно увѣренъ въ своемъ правѣ, за которое стояла семинарская теорія и исконныя традиціи пастырской практики католическаго духовенства. Въ этомъ его поощряли молчаливое согласіе консисторіи и самого епископа Поллюена, которые, повторяемъ, не могли не знать о такомъ чудотворцѣ и цѣлителѣ, какъ Бѣлякевичъ, далеко прославившійся среди католическаго міра.

Что не личное только дѣло Бѣлякевича были его дѣйствія, а плодъ общей системы, своеобразная добродѣтель и подвигъ церкви, — на это указываютъ дѣятельныя заботы и клириковъ, и мірянъ, какъ «велемощныхъ пановъ», такъ и «подлыхъ холоповъ», какъ-нибудь замести слѣды, «смазать» и замять дѣло, обнажающее тайну внутренней церковно-приходской жизни костела; — хотя бы это и стоило цѣны клятвопреступленія.., разъ цѣль оправдываетъ всѣ средства ad majorem gloriam папизма.

Ксендзъ Бѣлякевичъ однимъ только развѣ отличается отъ прочихъ своихъ собратовъ ксендзовъ, что онъ менѣе другихъ іезуитъ и болѣе другихъ властолюбивъ. Онъ воспринялъ уроки и наставленія своего семинарскаго образованія и воспитанія болѣе непосредственно и горячо, чѣмъ его другіе товарищи, и сдѣлалъ слишкомъ поспѣшный и прямолинейный выводъ: папа въ Римѣ, а я, ксендзъ Бѣлякевичъ, въ Ковно—единственный властитель и спаситель душъ правовѣрныхъ католиковъ, а всѣ средства хороши въ духовной борьбѣ за славу католицизма и для закрѣпощенія темной массы, палка же и розга или веревочка—наиболѣе вѣрное и осязательное средство. Такова логика въ дѣйствіяхъ Бѣлякевича. Не подлежитъ сомнѣнію, что исправительныя экзекуціи ксендза Бѣлякевича и въ глазахъ его ближайшаго епархіальнаго начальства, и среди паствы имѣли значеніе *похвальныхъ подвиговъ*, доблестнаго служенія церкви, коими ксендзъ Керповскій умилялся, а ксендзъ Генисъ на судѣ цѣлый дифирамбъ воспѣлъ по адресу подсудимаго. Осужденіе Бѣлякевича въ католическомъ мірѣ истолковано и увѣнчано, какъ мученическое страданіе доблестнаго пастыря католической церкви. Мы имѣемъ свѣдѣнія, какими почестями и нѣжными заботами былъ окруженъ Бѣлякевичъ со стороны столичной католической митрополичьей каѳедры, при своемъ появленіи въ С.-Петербургской тюрьмѣ: къ нему былъ посланъ суффра-

ганъ, предложено все потребное, и, между прочимъ, было ходатайство о разрѣшеніи Бѣлякевичу ежедневно совершать мессу въ тюрьмѣ.

Если бы дѣянія Бѣлякевича были явленіемъ исключительнымъ, не вытекавшимъ изъ духа и системы католицизма,—то поступки его должны бы были вызвать негодованіе, какъ къ дѣяніямъ позорнымъ для католической церкви. Но мы видѣли, что ничего позорящаго не усмотрѣлъ, даже въ оффиціальномъ своемъ заключеніи, самъ еп. Поллюенъ: онъ всѣ возмутительныя преступныя дѣянія подчиненнаго себѣ пастыря характеризуетъ не болѣе, какъ *несообразности*, что надо понимать въ томъ смыслѣ, что де Бѣлякевичъ *не-сообразовалъ* съ духомъ времени и обстоятельствами свои дѣянія, *пересолилъ*, а въ сущности онъ де исполнялъ свой долгъ и творилъ дѣло полезное и благодѣтельное... Таковъ смыслъ и тонъ всего.

Кто знаетъ духовное закрѣпощеніе, въ какомъ находится католическое населеніе юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, тотъ не можетъ считать дѣянія Бѣлякевича какими-то исключительными. Если повнимательнѣе бы слѣдили за внутреннею приходскою жизнію католическаго міра въ Россіи, то нашли бы не мало Бѣлякевичей. Развѣ допускаемое, напр., ксендзами этихъ краевъ *позваниваніе* въ колокола церковные по лицамъ выходящимъ замужъ за православныхъ, какъ *по умершимъ* для Царствія Божія и спасенія,—меньшее насиліе надъ совѣстью, чѣмъ Бѣлякевичева плетка?

Обратимся теперь къ теоретическимъ основаніямъ, которыя, по нашему мнѣнію служатъ исходною и опорною точкою для подобной практики католическаго пастырскаго самовластія и физическаго воздѣйствія на души католиковъ. Здѣсь мы также не мало встрѣчаемъ убѣдительныхъ подтвержденій нашего вывода, что Бѣлякевичъ сдѣлался жертвою пастырской ревности своей, что онъ не самъ выдумалъ эти мѣры и способы, а лишь увлекся системой католической церковной дисциплины, что онъ своихъ личныхъ выгодъ не искалъ, а былъ только ревностнѣйшимъ служителемъ своей церкви, что онъ наконецъ, «спасалъ» тѣми средствами своихъ духовныхъ чадъ, которыя согласны съ ученіемъ его церкви. Словомъ, Бѣлякевичъ есть *жертва католицизма*, а его возмутитель-

ныя дѣянія—*лишь практическіе и послѣдовательные выводы*, ясно вытекающіе какъ изъ каноническихъ доктринъ католицизма, такъ и изъ догматическаго ученія о средствахъ спасенія грѣшниковъ и вообще о церковной дисциплинѣ.

Вопросъ о церковной дисциплинѣ, ея сущности, объемѣ, средствахъ и т. д.—одинъ изъ труднѣйшихъ и спорныхъ вопросовъ канонической права. Но, кажется, несомнѣнно одно, что католическая церковь (съ ея ужасными крайностями въ примѣненіи дисциплинарныхъ мѣръ) и православная (съ современнымъ, тоже крайнимъ, *безразличіемъ* въ этомъ дѣлѣ) имѣютъ и въ этой области церковной жизни *общій* корень. Слѣдующія данныя указываютъ на это: 27-е апостольское правило гласитъ:

«Повелѣваемъ, епископа или пресвитера или діакона, біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ, или невѣрныхъ обидѣвшихъ, и чрезъ сіе устрашити хотящаго, извергати отъ священнаго чина. Ибо Господь отнюдь насъ сему не училъ: напротивъ того, Самъ бывъ ударяемъ, не наносилъ ударовъ, укоряемъ, не укорялъ взаимно, страдая, не угрожалъ».

Какое значеніе имѣетъ это правило для церк. дисциплины? Запрещается ли *всякое* біеніе, или только такое, которое служитъ средствомъ отомщенія *личныхъ* обидъ? Авторитетные толкователи этого правила позднѣйшихъ временъ склонялись къ послѣднему мнѣнію, которымъ и воспользовался папизмъ для своихъ властолюбивыхъ цѣлей. Такъ Аристинъ говоритъ: «Но не *подлежитъ извержению тотъ*, кто благоразумно наказываетъ бичемъ погрѣшающаго противъ священныхъ предметовъ, какъ и Господь бичемъ, сдѣланнымъ изъ вервія, изгналъ торгующихъ изъ храма подзаконнаго. *Для этого избираются церковные номофилаксы и экдики, какъ лица, издревле отцами назначенныя карать подобныя преступленія*». Также и Вальсамонъ говоритъ: «Впрочемъ, умѣренно наказывать своихъ учениковъ и тѣхъ, которые согрѣшаютъ и послѣ вразумленія не исправляются, *посвященнымъ дозволено*, потому-что и Господь ударами бича изгналъ изъ храма торгующихъ, которые такимъ образомъ грѣшили противъ божественнаго». А наша славянская Кормчая говоритъ еще прямѣе: «Аще же кто, цѣломудренъ смыслъ имый, беззаконно нѣчто творящаго въ церкви святѣй, или во святыхъ мѣстѣхъ, біетъ, таковый не извержется».

Есть и еще нѣкоторыя другія данныя, указывающія,

что православная церковь въ извѣстный періодъ *не чуждалась* въ дисциплинарной области *мѣръ физическаго воздѣйствія* на согрѣшающихъ.

Западная римская церковь пошла въ этомъ отношеніи очень далеко, узаконила то, что было только временнымъ и быть можетъ мѣстнымъ, и, какъ мы знаемъ, дошла до инквизиціи. Бѣлякевичъ есть только послѣдовательный служитель своей церкви.

Православная церковь въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи отвергнула то, что было въ ея дисциплинарной области несогласнаго съ духомъ Христовой церкви, и высказалась опредѣленно и ясно за мѣры *духовнаго* воздѣйствія и противъ физическихъ наказаній.

Вотъ въ этомъ смыслѣ достопримѣчательное правило 9-е св. собора Константинопольскаго, называемаго Двукратнымъ:

«Апостольское и Божественное правило подвергаетъ изверженію священниковъ, дерзающихъ бити вѣрныхъ согрѣшившихъ, или невѣрныхъ нанесшихъ обиду. Ухищряющіеся угодити своему гнѣву, и превращающіе апостольскія установленія, разумѣютъ не токмо о біющихъ своеручно, хотя оное правило ничего такого не назначаетъ, и правый смыслъ тако разумѣти не допускаетъ. Ибо по истинѣ было бы неразсудительно и весьма погрѣшительно, аще бы нанесшій своеручнымъ біеніемъ три или четыре удара подвергаемъ былъ изверженію, а между тѣмъ, по данной свободѣ бити посредствомъ повелѣнія, простершій истязаніе до жестокости и до смерти, оставался бы ненаказаннымъ. Итакъ, поелику симъ правиломъ опредѣляется наказаніе за біеніе вообще, то и мы согласно опредѣляемъ. *Подобаетъ бо священнику Божію вразумляти неблагонравнаго наставленіями и увѣщаніями* иногда же и церковными эпитиміями, а *не устремлятися на тѣла человѣческія съ бичами и ударами.* Аще же нѣкіе будутъ совершенно непокорны, и вразумленію чрезъ эпитиміи не послушны: таковыхъ никто не возбраняетъ вразумляти преданіемъ суду мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ. Понеже пятымъ правиломъ Антіохійскаго собора постановлено, производящихъ въ Церкви возмущеніе и крамолы обращати къ порядку внѣшнею властію».

Обращаясь къ позднѣйшимъ трактатамъ католическихъ богослововъ по сему вопросу, мы въ нихъ находимъ прямое оправданіе съ канонической стороны дѣяній Бѣлякевича.

Развѣ не имѣетъ сходства слѣдующая параллель пастырской практики, имѣвшей мѣсто 800 лѣтъ назадъ, съ практикою нашихъ дней, допущенною Бѣлякевичемъ.

Въ исторіи читаемъ: *25 января 1077 г. Генрихъ IV* былъ приведенъ въ Каноссу, окруженную тройной стѣною. Здѣсь *въ продолженіе трехъ сутокъ*, съ утра до вечера, онъ стоялъ *на дворѣ между второй и третьей стѣной*, въ одеждѣ кающагося и *съ голыми ногами, не принимая пищи.* Въ судебномъ производствѣ говорится: Бѣлякевичъ

6-го августа 1898 года въ г. Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы на время *отъ часа дня 6 августа до 7 часовъ вечера 7 августа* 1888 года Антона Михайлова Мацкайиса, заключивъ его, противъ его воли, въ помѣщающуюся при костелѣ св. Троицы запертую тѣсную *коморку*, въ которой находился сталъ изъ-подъ катафалка, *давъ ему во время заключенія кусокъ чернаго хлѣба и воды»* и пр. При этомъ папа Григорій VII поступилъ съ Генрихомъ IV *болѣе грубо*, чѣмъ Бѣлякевичъ со своимъ духовнымъ сыномъ,—и однако же его никто не судилъ и злодѣемъ не считалъ. Развѣ доблести этого папы не могли увлечь на тотъ же путь спасенія грѣшныхъ молодаго, недальновиднаго Ковенскаго героя.

Православная Русь и просвященный христіанской западъ возмущается дѣломъ Бѣлякевича, видя въ немъ остатки инквизиціи. Но такъ-ли смотрятъ на дѣли сами католики и что по сему предмету преподавали Бѣлякевичу въ Тельшевской семинаріи?

На Западѣ среди католическихъ писателей еще и въ настоящее время есть многіе, которые не только защищаютъ инквизицію, но, подобно папѣ Павлу IV, признаютъ ее *благодатнымъ внушеніемъ Св. Духа и домогаются ея возстановленія*. Такъ, съ 1877 года инструкскіе іезуиты, съ Визеромъ во главѣ, издаютъ журналъ, въ которомъ высказываются за возстановленіе инквизиціи. Въ такомъ же духѣ пишутъ въ Испаніи Orti y Lara (La inquisition, Мадридъ 1877), въ Германіи - бенедиктинецъ Gaws, въ Бельгіи--Poullet и др. Развѣ эти вдохновители не могли вліять на Бѣлякевича? Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлякевичъ могъ находить оправданіе для совѣсти своей мѣръ физическаго воздѣйствія и вообще своей практики въ самомъ догматическомъ ученіи католицизма *объ эпитиміяхъ*.

По ученію Православной церкви, отъ кающагося грѣшника для прощенія его грѣховъ требуется: сокрушеніе во грѣхахъ, намѣреніе исправить свою жизнь, вѣра во Христа и надежда на милосердіе Божіе. *Епитимія* не составляетъ *существеннаго момента въ покаяніи;* она есть только *средство исправленія*. Не такъ учитъ католическая церковь. Тамъ епитимія есть существенная часть въ покаяніи и имѣетъ значеніе *платы, наказанія, возмездія* или *удовлетворенія* за грѣхи. Епитимія, а че *крестныя*

заслуги Спасителя, примиряетъ грѣшника съ Богомъ, по ученію католической церкви. «Въ пространномъ римско-католическомъ догматическомъ и нравственномъ катехизисѣ, составленномъ ректоромъ римско-католической духовной академіи, Доминикомъ Стацевичемъ и одобренномъ митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россійской Имперіи Головинскимъ, читаемъ (стр. 166): въ таинствѣ покаянія не иначе получается прощеніе, какъ подъ условіемъ, что грѣшникъ подвергнетъ себя добровольно эпитиміи, или временному церковному наказанію, смотря по важности преступленія»... «Причина, по которой церковь, оставляя безъ эпитиміи грѣшниковъ крещаемыхъ, подвергаетъ оной окрещенныхъ, очень явственна; ибо справедливость требуетъ поступать иначе съ тѣми, кои согрѣшили, бывъ еще ослѣплены невѣріемъ и не имѣя сильной помощи благодати въ борьбѣ противъ похотѣнія, и иначе съ людьми уже просвѣщенными свѣтомъ Божественной истины... Эти люди безъ сомнѣнія виновны и достойны, чтобы Богъ заставилъ ихъ слезами и трудными христіанскими подвигами, снова заслуживать благодать Его [illegible] густую оправдать ихъ и сообщить имъ, въ таинствѣ покаянія, духовное возрожденіе и новую жизнь. Для нихъ довольно уже того, что имъ *прощается вина*, т. е., вѣчное за грѣхи наказаніе, а требуется только временное удовлетвореніе правосудію Божію». Стр. 167: «Покаяніе состоитъ изъ трехъ главныхъ частей, а именно: *сокрушенія, исповѣди и удовлетворенія*». Стр. 169: «Онъ (кающійся грѣшникъ) обязанъ смирить гордыню свою, слушать съ уваженіемъ всѣ наставленія духовнаго отца, который, при совершеніи таинства покаянія, заступаетъ *мѣсто Іисуса Христа (?!)*, и охотно подвергнуть себя возложенной эпитиміи, какъ ни была бы она трудна, тѣмъ болѣе, что нынѣшнія церковныя *наказанія* вовсе не тяжки и даже, сказать можно, легки въ сравненіи съ прежними, продолжительными и строгими эпитеміями. Наконецъ, онъ не долженъ роптать или «возражать» и т. д. Стр. 170: «Что же касается до эпитиміи, то она должна имѣть нѣкоторую соразмѣрность съ прежними эпитиміями».

Итакъ если по ученію католической церкви, грѣшникъ долженъ «*охотно подвергнуть себя возложенной эпитиміи, какъ ни была бы она трудна*» и если онъ не долженъ

ни роптать, ни возражать, то очевидно, что въ глазахъ истинныхъ католиковъ *виновенъ не ксендзъ Бѣлякевичъ*, а тѣ духовныя чада его—Бернатовичъ и Жуковская, которыя пошли жаловаться на него въ полицію за то, что онъ прилагалъ все свое усердіе для доставленія имъ спасенія. Отсюда понятно поведеніе на судѣ прочихъ потерпѣвшихъ. Естественно, что нѣкоторые католики не могутъ признать справедливымъ и рѣшеніе петербургскаго окружнаго суда по этому дѣлу. Оно имъ можетъ представляться только *дѣломъ господствующей* якобы въ Россіи *религіозной нетерпимости*. Понятно почему доселѣ католическій міръ не можетъ понять, за что Бѣлякевичъ осужденъ русскимъ уголовнымъ судомъ, разъ въ католической церкви дозволительны для кающихся *тѣ грубыя тѣлесныя наказанія, которыя употреблялъ Бѣлякевичъ*. Католическая церковь не только признаетъ, но и очень часто употребляетъ *тѣлесныя наказанія*—poenae vindicativae, состоящія въ лишеніи свободы, денежныхъ штрафахъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ (до 39 ударовъ) въ собственномъ смыслѣ (см. Schulte [illegible]ch, § 98). А по отношенію къ грѣшнику нераскаянному, заслуживающему отлученія отъ церкви или даже отлученному, нѣкоторые католическіе богословы не *признаютъ преступнымъ и убійство*.

Такъ, напр., «непогрѣшимый» папа Урбанъ II (Friedergb, Die Gränzuen, Abth, 3, стр. 808) объявилъ, что такихъ несчастныхъ не слѣдуетъ считать людьми, а лишь *дикими птицами*, и тотъ не бралъ на свою душу никакого грѣха, кто въ порывѣ своего священнаго гнѣва убивалъ ихъ. Убійство явнаго и нераскаяннаго грѣшника, отлученнаго отъ церкви или только заслуживающаго такого отлученія, не признаютъ грѣховнымъ и знаменитые римско-католическіе канонисты.

Такъ, напр., *Тесаврусъ* (De poenes eccles. Praxis absoluta et universalis notis et acces. locuplet. aq Ubaldo Giraldi. Rom. 1760. P. I. cap. XXXVIII) называетъ достойнымъ похвалы у Бога того, кто предательски убилъ бы такого явнаго и нераскаяннаго грѣшника; вообще же по его ученію, такого грѣшника позволительно и явно убить безнаказанно ради общественной пользы и въ виду его тяжкой вины, именно на вопросъ: «an sit li licita sentenlia banni, ut talis possit impune a quovis occidi» онъ отвѣчаетъ: «licitam esse, quia

opponitur eam proferri ex justa causa ob graviora crimina et expedire ob publicam utilitatem»... (См. ст. Южн. Кр. 1899 г.).

Пруссія уже давно еще, въ 1873 г., такъ называемыми майскими законами (§ 3 зак. 12 мая 1873 г.) объявила католической церкви, что на *тѣлесныя* церковныя наказанія она смотритъ какъ на уголовныя преступленія и признаетъ ихъ безусловно недозволенными; Австрія послѣдовала примѣру Пруссіи въ 1874 году (§ 19 зак. 7 мая). Если бы то же самое сдѣлала и Россія, подобныя преступленія, какія совершены Бѣлякевичемъ, не имѣли бы мѣста, а если бы и повторились, то осужденіе ихъ не давало бы повода католикамъ упрекать русскую власть въ недостаткѣ вѣротерпимости.

VIII.

Значеніе процесса Бѣлякевича.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое имѣетъ судебный процессъ ксендза Бѣлякевича. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ весь сообщенный нами выше судебнослѣдственный матеріалъ, на которомъ мы остановились съ возможною обстоятельностью. Здѣсь мы подведемъ лишь итоги сказанному. Значеніе этого рѣдкаго громкаго процесса должно быть разсматриваемо нераздѣльно со стороны государственной и церковно-миссіонерской.

Разъ есть наличность преступленія, законъ долженъ быть равенъ и неумолимъ для всѣхъ и каждаго, не взирая на породившіе его мотивы и обстоятельства, хотя-бы послѣднія лежали внѣ личной злой воли преступника.

Разъ Бѣлякевичъ совершилъ описанныя дѣйствительно преступныя дѣянія, предусматриваемыя точнымъ смысломъ закона, онъ, какъ русскій гражданинъ, долженъ былъ понести наказаніе, налагаемое законами государства. Судъ, какъ исполнитель закона, не могъ, очевидно, согласиться съ доводами защиты, а равно и не имѣлъ поводовъ и основанія входить въ изслѣдованіе канонической стороны дѣла, на почвѣ которой совершены, по нашему мнѣнію, преступленія Бѣлякевича,—тѣмъ болѣе, что суду ни ер-

хіальное начальство Бѣлякевича, ни защита, не указали на эту сторону, смягчающую вину Бѣлякевича, а съ извѣстной точки зрѣнія и совсѣмъ изглаживающую ее. Мы выше привели доводы защиты. не ради удовлетворенія любопытства своихъ читателей, а для обсужденія того главнаго положенія защиты что будто-бы въ христіанской церкви есть среда, на которую иначе и нельзя дѣйствовать, какъ только плеткою и физическимъ вообще принужденіемъ. Это грубое, отжившее, ничѣмъ не оправдываемое заблужденіе. Если такъ смотрѣть, какъ посмотрѣли въ дѣлѣ Бѣлякевича либеральные адвокаты на низшіе не культурные слои церковнаго общества, то тогда придется слова убѣжденія и миссіонерскаго увѣщанія въ отношеніи нашихъ сектантовъ замѣнить полицейской нагайкой. А сколько однако проливается крокодиловыхъ слезъ тѣми же самыми или подобными либеральными защитниками сектантства по поводу правительственныхъ репрессій, принимаемыхъ иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, въ отношеніи сектантовъ и раскольниковъ, хотя репрессіи эти никогда и нигдѣ, даже въ рукахъ сельской администраціи, не доходили до такой формы и степени, какъ дѣйствовалъ пастырь Бѣлякевичъ. Почему же тамъ — въ мірѣ раскола и сектъ не видятъ либералы наши такой же среды и такихъ же условій, не признаютъ, что нерѣдко отъ мѣръ духовнаго увѣщанія дѣйствительно остаются одни лишь безполезныя разглагольствованія, особенно когда миссія Церкви встрѣчается съ своекорыстными побужденіями главарей, съ злою волею или безумнымъ фанатизмомъ агитаторовъ, оскорбляющихъ народную православную массу въ самыхъ святыхъ ея вѣрованіяхъ, развращающихъ своихъ слѣпыхъ послѣдователей? Неужели такъ покладисты убѣжденія нашихъ отечественныхъ либераловъ, что ихъ за ту или другую цѣну можно заставить двойною мѣрою измѣрять одинъ и тотъ же предметъ? Тенденція, проводимая въ рѣчахъ гг. Спасовича и Андріевскаго, что будто бы народная среда и грѣшники изъ нея не способны, въ области нравственной своей жизни, къ воспріятію слова убѣжденія, — совсѣмъ несправедливая и крѣпостническая. Народная масса вообще, католическая особенно, представляетъ собою дѣвственную, благодарную почву для духовнаго дѣланія и — если хотите — болѣе чуткую и

отзывчивую къ слову пастырскаго увѣщанія, чѣмъ тѣ просвѣщенные слои, которые, по выраженію г. Спасовича, живутъ въ XIX в. И если ужъ надо оправдывать примѣненіе мѣръ исправленія ксендза Бѣлякевича, то скорѣе въ отношеніи этой культурной среды, которая не только слушать, но и знать не хочетъ мѣръ церковной дисциплины. Интересно, что бы въ защиту сказали гг. адвокаты, еслибы Бѣлякевичъ отхлесталъ своей веревочкой грѣшную паню? Католическая народная масса слишкомъ духовно закрѣпощена, запугана своимъ клиромъ, все искони направлявшимъ къ тому, чтобы сдѣлать ее покорною, слѣпою, инертною въ церковномъ отношеніи. Народъ католическій лишенъ права и мыслить о предметахъ вѣры, и говорить, и читать. Благодаря этимъ мѣрамъ нравственнаго и физическаго насилія со стороны своего клира, католическая русская масса непроницаема для православной миссіи. Случаи перехода въ православіе изъ народа по свободному убѣжденію или подъ вліяніемъ православной миссіи совсѣмъ рѣдки. Достаточно ксендзу позвать такого къ конфессіоналу, какъ проходитъ всякая рѣшимость. Правда менѣе доступна католическая народная среда и проникновенію въ нее лжеученій штунды. У насъ нерѣдко ставятъ это въ заслугу католическому духовенству, якобы болѣе зорко охраняющему свою паству, чѣмъ наши православные пастыри. Здѣсь большая ошибка. Католики не внемлютъ голосу штунды прямо ради страха передъ костеломъ, въ виду тѣхъ мѣръ, какими исправлялъ Бѣлякевичъ Бернатовичъ, Симоновичъ. Если за обычные грѣхи такъ наказываютъ ксендзы, то что-же за уклоненіе въ штунду и ересь сдѣлаетъ всякій пастырь! Католики болѣе на свѣтѣ семъ боятся ксендза, чѣмъ на томъ огненной геены. Мы не знаемъ ни одного случая, чтобы ксендзы дѣйствовали словомъ убѣжденія противъ штунды, хотя послѣдователей ея изъ католиковъ въ юго-западномъ краѣ и въ Кіевѣ насчитывается не мало. Наоборотъ, ксендзы высокомѣрно смотрятъ на эту «холопскую скаредную вѣру», отпавшихъ они называютъ не иначе, какъ «паршивыми овцами», «худою травою»,—которую надо изъ поля вонъ, а не назадъ возвращать. въ вертоградъ церковный.

Менѣе всего настоящій процессъ имѣетъ значенія для самого Бѣлякевича:—онъ слишкомъ жалокъ и ничтоженъ

для такого громкаго дѣла. Не существенное значеніе имѣетъ дѣло Бѣлякевича и какъ наука и острастка для прочей ксендзовской братіи:—она слишкомъ хорошо дисциплинирована и закалена, чтобы образумиться отъ этого одного урока. Ксендзы будутъ развѣ только осторожнѣе въ своихъ мѣрахъ физическаго воздѣйствія «на поганое быдло и смерда», помня дѣло пана Бѣлякевича.

Большее значеніе процессъ имѣетъ какъ публичное государственное осужденіе системы и практики церковной дисциплины католицизма, допускающаго такія непозволительныя, по законамъ Имперіи и съ точки зрѣнія истиннаго христіанства, мѣры.

Кромѣ того, ничѣмъ не замѣнимое огромное значеніе процессъ Бѣлякевича имѣетъ и въ отношеніи самой духовно-закрѣпощенной народной массы, слѣпо и покорно вѣрующей во всемогущую власть и широкія права своихъ ксендзовъ. Теперь изъ дѣла Бѣлякевича ковенская приходская среда должна была прозрѣть, что есть власть государственная, которая выше и могущественнѣе ксендзовской власти, что есть законъ, который ставитъ предѣлы насилію костела надъ совѣстью и тѣломъ католиковъ русскихъ, который одинаково ограждаетъ права личности, свободу и честь каждаго гражданина, будетъ-ли онъ «быдло» или панъ или ксендзъ. Народъ долженъ былъ понять, что предъ закономъ царскимъ и правдою государственною всѣ равны.

Если масса народная того края, гдѣ царитъ произволъ и насиліе польскихъ ксендзовъ, не прозрѣла этого смысла и значенія процесса Бѣлякевича, то ей надо помочь въ этомъ,—надо указать и выяснить русскому, вѣрному престолу и отечеству, католическаго исповѣданія народу его св. права, какъ гражданина,—его неприкосновенность личности, ограждаемую закономъ, хотя бы оно касалось и костела и клебани. Пусть масса знаетъ, что и тамъ нельзя никому самоуправствовать и господствовать надъ Божіимъ созданіемъ и царскими вѣрноподанными Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что процессъ слушался при закрытыхъ дверяхъ, и выяснившіяся на судѣ возмутительныя подробности изъ преступныхъ ксендзовскихъ дѣяній остались безъ надлежащей огласки въ русской и заграничной печати. Но процессъ Бѣлякевича, по силѣ своего

освѣжающаго душную замкнутую атмосферу польскаго католицизма на Руси, — вліянія имѣетъ значеніе скоропроходящей грозы, порыва вѣтра — не болѣе. А между тѣмъ, зло насилія и самоуправства католическаго клира, въ отношеніи пасомыхъ русскаго народа, настолько глубоко укоренилось, что давно бы пора, кому слѣдуетъ, принять болѣе систематическія и рѣшительныя мѣры противъ этого зла. Благодушная Россія въ этомъ отношеніи отстала отъ западныхъ государствъ, издавшихъ упомянутые законы.

У насъ въ Россіи прежде всего необходимо установить мѣры къ болѣе существенному и дѣйствительному правительственному контролю надъ католическими духовно-учебными заведеніями. Чему тамъ учатъ, по какимъ учебникамъ, какъ воспитываютъ—никто ничего не знаетъ. Обратите вниманіе, что никогда нигдѣ въ печати не появляется никакихъ свѣдѣній даже о внѣшней сторонѣ положенія католическихъ семинарій. Едва ли кто знаетъ, гдѣ и сколько въ Россіи этихъ семинарій и академій. Это какое то независимое государство, тайная корпорація въ государствѣ. У насъ хвалятся добрыми нынѣшними отношеніями съ Римской Куріей, но не пріобрѣтены ли они дорогою цѣною какой-то автономной независимости семинарій отъ государственнаго надзора? Пока католическія семинаріи будутъ воспитывать въ будущихъ пастыряхъ католическихъ такія убѣжденія, какія привели неосторожнаго, простодушнаго, недурнаго чѣловѣка, но плохого іезуита Бѣлякевича на скамью подсудимыхъ, до тѣхъ поръ источникъ костельнаго и ксендзовскаго духовнаго крѣпостничества народныхъ массъ и политическое смятеніе въ умахъ католическаго интеллигентнаго общества не прекратится; и подобные процессы останутся лишь слабыми паліативами.

Надо правительству наблюдать за учебными заведеніями и не забывать костеловъ, конфессіоналовъ и клебаней — таковъ конечный урокъ процесса Бѣлякевича.

В. Скворцовъ.

Извлечено изъ журнала «Миссіонерск. Обозр.» за ноябрь и декабрь 1899 г.

Типографія В. В. Комарова. Невскій 136